

3131
P49

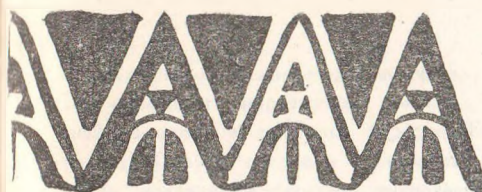
А. В. РИД

**МИФЫ
И
ЛЕГЕНДЫ
СТРАНЫ
МАОРИ**

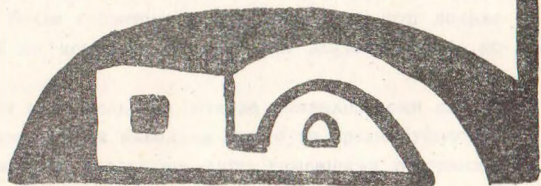

A.W. REED
MYTHS
AND
LEGENDS
OF MAORI-
LAND

А. В. РИД
МИФЫ
И
ЛЕГЕНДЫ
СТРАНЫ
МАОРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1960

Перевод с английского
С. СЕРПИНСКОГО

Предисловие
В. БАХТЫ

Редактор
И. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

162/191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто из советских людей не читал или хотя бы не слышал об отважном норвежском ученом Туре Хейердале, который на плоту «Кон-Тики» пересек Тихий океан, проплыв от берегов Перу к островам Полинезии, чтобы доказать возможность заселения в прошлом тихоокеанских островов с востока, из Южной Америки.

Многим советским читателям знакома также вышедшая недавно у нас вторым изданием книга полинезийского ученого Те Ранги Хироа «Мореплаватели солнечного восхода». Автор этой книги — известный знаток истории и культуры народов Тихого океана — стремится доказать, что острова Полинезии были заселены с запада, из южной Азии.

Так, ознакомившись с книгами Тура Хейердала и Те Ранги Хироа, советские читатели, иные и сами того не ведая, оказались в гуще давнего научного спора о происхождении полинезийцев и их сложной и своеобразной культуры.

Когда в 1520 году первые испанские каравеллы после долгого и опасного блуждания по будущему Магелланову проливу вышли наконец в Тихий океан, его острова уже давно были заселены племенами рослых темнокожих мореходов, чьи легкие лодки дерзко бороздили бескрайние просторы океанских вод.

Присутствие многочисленного и процветающего народа на затерянных в океане клочках суши, отстоявших друг от друга порою на многие сотни, а то и тысячи километров, казалось европейцам тем более странным и необъяснимым, что полинезийцы не знали ни компаса, ни карт, ни высокобортовых кораблей.

Кто же были эти смельчаки, откуда появились они на островах Тихого океана? Как находили они пути среди бушующих волн? Как удалось им, владевшим лишь каменными топорами и теслами, покорить одну из самых суровых и коварных стихий природы?

Над решением этой удивительной загадки билось не одно поколение исследователей. Загадка все еще не разгадана до конца. Но многое уже стало известно, и о многом можно теперь говорить с достаточной уверенностью.

Известно, что полинезийские языки родственны языкам малайских народов; известно, что в культуре полинезийцев и в культуре народов Юго-Восточной Азии есть множество сходных черт, что, несомненно, свидетельствует об общности их происхождения; известно также и о давних культурных связях Полинезии и Америки, хотя все еще неясны характер и степень развития этих связей.

Изучена в какой-то мере и последовательность заселения островов Тихого океана полинезийскими мореходами. По-видимому, раньше всего была заселена Западная и Центральная Полинезия, а позже ее окраинные острова и архипелаги, в том числе и Новая Зеландия — страна маори.

История маори как народа начинается с XIV века, когда из Центральной Полинезии в Новую Зеландию прибыла целая флотилия полинезийских лодок. Доплыв до суши, лодки направились вдоль берегов в поисках подходящих мест для высадки. Так предки маори заселили Новую Зеландию. Минували столетия, современные маори давно уже не живут племенами, забыты и племенные границы, но и сейчас каждый маори знает имена кормчих и названия лодок «великой флотилии», приплывшей из Гавайки — полуполюгендарной прародины полинезийских народов.

Итак, предки маори приплыли в Новую Зеландию из Гавайки. С каким бы конкретным островом не отождествлять Гавайки (а мнения ученых на этот счет расходятся), ясно одно: Гавайки — страна тропиков. В Новой Зеландии все было иначе: более холодный климат, огромный массив суши, никак не сравнимый с мелкими островами Центральной Полинезии, иная растительность, иной животный мир, иные природные ресурсы. Освоение нового, незнакомого мира требовало времени и мужества. И то и другое было у маори в избытке, и они прекрасно справились со своей задачей, изменив свою культуру применительно к новым условиям.

Полинезийские народы — народы бесписьменные. Историю своего расселения по островам Тихого океана, процесс освоения новой страны и борьбу с суровой природой, а также свои представления о мироздании, свою мораль и этику маори запечатлели в мифах и преданиях, изустно передававшихся из поколения в поколение.

При отсутствии письменности запоминание мифов и преданий было нелегким делом. У маори, как и у других полинезий-

ских народов, существовали особые школы, где жрецы обучали молодежь мифологии, астрономии и другим наукам.

Если сравнить мифы и предания, рассказываемые жителями различных, часто весьма отдаленных друг от друга островов Океании, то окажется, что в этих мифах много общего: имена богов и героев, представления о происхождении мира и человека, счет поколений. И чем древнее мифы, тем больше они похожи. Это и понятно. Древнейшая часть мифов сформировалась тогда, когда предки современных полинезийских народов еще жили вместе, остальные же мифы и предания возникали позже, по мере расселения полинезийцев по островам Тихого океана.

Мифы и легенды, представленные в этой книге, отобраны из сборника, изданного новозеландским собирателем фольклора А. В. Ридом. Их можно разбить на три группы.

Первый, наиболее древний пласт маорийских мифов — это мифы о сотворении мира, богов и человека. Они настолько совпадают с подобными же мифами других полинезийских народов, что нет никакого сомнения в том, что предки маори привезли их в Новую Зеландию из Центральной Полинезии.

Следующая группа мифов — мифы о человеке-полубоге Мауи. Они также широко распространены по всей Полинезии. По своему поведению и поступкам Мауи очень земной человек — смелый, хитрый, задиристый, нередко безрассудный, порой мстительный, но чаще полный любви и снисходительности к людям. Он добывает огонь из подземного мира, замедляет бег солнца по небу (раньше оно двигалось слишком быстро) и, наконец, вылавливает из морских глубин рыбы-острова. Согласно маорийскому мифу, Мауи вытащил таким образом со дна моря Северный остров Новой Зеландии, который маори так и называют Те Ика а Мауи (Рыба Мауи).

Конечно, в мифах о Мауи много фантастики, но так ли уж беспочвенна эта фантастика? Разве менее фантастичными по своей дерзновенности были плаванья легендарного Куле, когда он на краю великого океана Кивы «выловил» для своего народа огромный остров, и это в то время, когда ладьи европейцев все еще плескались у берегов Средиземного моря.

И, наконец, в третьей группе мифов отражен в сказочно-поэтической форме процесс освоения новой страны и борьба с враждебными силами природы. Сказки и легенды этой группы предельно конкретны; многие из них «привязаны» к географически определенным местам страны. Мир, в котором живут,

действуют и сталкиваются персонажи этих легенд и сказок, всегда реален, его описание содержит множество конкретных подробностей.

Действительность, которая проступает сквозь прозрачную фантастику маорийских легенд и мифов, величественнее и прекраснее любой сказки, ибо что может сравниться с подвигом человека, сумевшего победить величайший океан и покорить неизведанную землю при помощи каменного топора! А ведь именно об этом и рассказывают прежде всего мифы и легенды маори. Герои и героини этих легенд смелы и мужественны. Порою они совершают подвиги, которые, казалось бы, под силу только богам,— но ведь богов-то они создали по своему образу и подобию. Не только мужеством и смелостью покоряют нас герои маорийских легенд и мифов. Это люди, умеющие беззаветно любить и хранить верность друзьям и любимым; люди преодолевающие препятствия и невзгоды не только силой, но и смекалкой; люди, которым глубоко чужды покой и покорность судьбе и которые не мыслят себе жизни иначе, как в борьбе и дерзании.

История народа, создавшего собранные в этой книге мифы и легенды, чуть было не оборвалась в прошлом веке, когда англичане объявили Новую Зеландию своей колонией. Начались длившиеся не одно десятилетие англо-маорийские войны, которые привели к истреблению большей части маори. И все же маори как народ не погибли; не погибли именно потому, что упорное сопротивление и героизм маори вынудили колонизаторов к целому ряду уступок. Сыновья оказались достойными своих дедов и отцов. В настоящее время маори по законодательству пользуются равными правами с англо-новозеландцами, хотя в скрытой форме дискриминация еще существует.

Начиная с первых лет XX века численность маори медленно, но неуклонно растет и сейчас достигла 150 тысяч человек. Маори не сливаются с англо-новозеландцами. Вместе с ростом численности крепнет и национальное самосознание маори, стремление сохранить и развивать дальше свою самобытную культуру.

Народ, который сумел победить океан, а затем отстаивать свою свободу в борьбе с колонизаторами, имеет все основания верить в лучшее будущее.

В. Бахта

давние времена, прежде чем появились ночь и день, солнце и луна, зеленые поля и золотистый песок, Ранги — Небо-отец и Пэпа — Земля-мать лежали, тесно прижавшись друг к другу, и никогда не разлучались, а их дети ошупью блуждали в темноте, томясь по свободе и свету. Как им хотелось, чтобы над вершинами холмов подули свежие ветры и солнечные лучи согрели их бледные тела.

В конце концов эта темень и теснота стали невыносимы, и сыны Земли и Неба, ползком пробравшись по узким ходам, сошлись вместе. Они сели в круг под деревьями, которые подпирали небо причудливо изогнутыми ветвями.

— Что же нам делать? — спрашивали друг друга дети богов. — Может быть, нам убить отца и мать и впустить свет? Или оттащить их друг от друга? Во всяком случае, надо что-то сделать. Ведь мы уже не малые дети, пора нам оторваться от матери.

— Давайте убьем их, — предложил Ту-матауенга.

Поднялся Тане, и, когда он выпрямился, голова его уперлась в низко нависшее небо.

— Нет,— вскричал он,— мы не можем их убить. Это ведь наши родители — отец и мать. Надо заставить их оторваться друг от друга. Поднимем небо вверх, а сами будем жить у сердца Земли-матери.

Он сказал так еще и потому, что был богом деревьев, которые росли на земле.

Все братья согласились с Тане, только один брат не согласился. Это был Тафири-матеа, отец ветров.

— Какая чушь! — пронзительно свистнул он, глядя на брата. — Сейчас мы живем в полной безопасности. Кроме того, ты сам только что сказал: они нам отец и мать. Будь осторожен, Тане, ибо ты затеял недоброе дело.

Но его слова потонули в громких криках других богов, гулко раздававшихся под низким сводом.

— Нам нужен свет, — требовали они, — и побольше места, чтобы мы могли расправить ноги и руки, а то они совсем скрючились. Нам необходимо пространство.

Они оттолкнули Тафири и сгрудились вокруг Ронго-ма-тане, отца пищи — тот подпер плечами Небо-отца и попробовал выпрямиться. В темноте слышалось его дыхание, частое и натужное. Но как ни старался Ронго, он никак не мог приподнять Небо, и богов по-прежнему окутывала беспросветная тьма. Тогда Тангароа, отец моря, рыб и пресмыкающихся, стал рядом с Ронго, чтобы помочь ему, а затем Хаумиа-тикитики, отец диких ягод и корней папоротника, и Туматауенга, отец мужчин и женщин, тоже уперлись плечами в небо. Но все их усилия были напрасны.

Последним поднялся Тане — могучий отец леса, птиц и насекомых и всего живого, любящего свет и свободу. Крепко встал Тане, так что ноги его вросли в землю, а руки уперлись в Небо-отца, и долго стоял он молча и неподвижно, собираясь с силами. Потом Тане набрал побольше воздуха в легкие и резко выпрямился, оттолкнув ногами землю. Мучительное стелание огласило воздух. Застонали и боги, распластавшиеся на земле, потому что содрогнулась Земля-мать, когда разомкнулись руки Неба-отца, державшие ее.

Стон все усиливался, пока не перешел в гром. Высоко поднялось над землей небо, и в пустом пространстве пронзительно засвистели гневные вихри.

Тане и его братья огляделись вокруг. Теперь, когда свет озарил землю, они в первый раз увидели мать во всей ее красоте. Серебряная вуаль тумана окутала обнаженные плечи Земли-матери, и тогда из глаз Ранги полились слезы — так велико было его горе.

Вдохнув вольного воздуха, боги начали строить новый мир. Тане любил своих родителей, хотя и разлучил их, и прежде всего он решил одеть мать в такие красивые одежды, о которых нечего было и мечтать в старом темном мире. Тане принес своих собственных детей — деревья и насадил их по всей земле. Тогда мир еще только создавался, и Тане, словно ребенку, приходилось до всего доискиваться самому. Иногда Тане ошибался. Деревья он сначала посадил вершинами в землю — голые негнувшиеся белые корни торчали вверх, и даже ветер не мог поколебать их.

Закончив труд, Тане прислонился к одному из стволов, чтобы немного передохнуть. Он оглядел свой странный лес и нахмурился: в таком лесу не станет жить его веселая детвора — птицы и насекомые. Тогда Тане вырвал гигантский каури* и прочно вставил его корнями в землю. Потом с гордостью взглянул на чудесную зеленую крону над гладким прямым стволом. Шелест листьев звучал, как музыка.

Прекрасной стала земля в зеленой одежде. Пришли из своих убежищ смуглокожие мужчины и женщины и стали резвиться среди деревьев сада Тане. С отцом пищи и отцом диких ягод они быстро подружились.

Но вот Тане посмотрел вверх, туда, где широко раскинулся над землей Небо-отец, холодный, серый и некрасивый. Заплакал Тане, увидев, как одинок

* Хвойное дерево, достигающее в Новой Зеландии шестидесяти метров в высоту. — Здесь и далее примечания переводчика.

и несчастен отец. Тогда взял он красное солнце и поместил его на спину Ранги, а серебряную луну — на грудь. Десять небес обошел Тане, пока наконец не наткнулся на чудесную пурпурную мантию, которую взял с собой. Семь дней он отдыхал после своих долгих скитаний, а потом набросил эту мантию на небо с севера на юг и с востока на запад, и Ранги ярко заблистал. Но Тане был недоволен. Он считал, что для отца эта одежда недостаточно красива, и сорвал мантию, оставив только маленький кусочек на краю неба — там и сейчас можно ее увидеть при закате солнца.

Теперь днем Ранги был очень красив, а Пэпа с гордостью взирала на супруга, но ночью, пока Марамалуна не освещала его, он лежал темный и невидимый.

— Великий отец, — воскликнул Тане, — в долгие темные ночи, прежде чем Марамала осветит твою грудь, все кругом пребывает в горе. Я отправляюсь на край света, мой отец, чтобы найти для тебя достойное украшение.

Где-то высоко в тиши прозвучал ответный вздох.

Тане вспомнил о Светящихся — они играли у Великой Горы, на самом краю всего существующего. Быстро направился Тане в конец мира, в неизвестное, откуда нельзя было различить улыбающийся лик земли; все дальше и дальше шел он в темноту ночи, пока не достиг Маунгануи — Великой Горы, где жили Светящиеся, дети его брата Уру. Тане поздоровался с братом, и они вместе стали смотреть на Светящихся, которые играли на песке далеко внизу, у подножия горы.

Тане поведал Уру о том, как были разлучены Ранги и Пэпа, и стал просить у брата несколько Светящихся, чтобы прикрепить их к одеянию отца. Уру поднялся и крикнул — словно гром прокатился по склону горы. Светящиеся услышали. Они перестали играть и весело запрыгали вверх по горе к Уру. Они быстро приближались, и Тане скоро увидел, как ярко они сверкают и переливаются — каждая Светящаяся была словно мерцающий глаз.

Уру поставил перед Тане корзину. Оба брата запустили руки в сияющий свет и нагроулили корзину Светящимися. Затем Тане поднял корзину и поспешил к отцу. Издалека увидел его Ранги, потому что путь Тане отмечало яркое сияние. Тане быстро прикрепил Светящихся. В углах неба он поместил по одному священному свету; пять Светящихся пристроил в виде креста к груди Ранги, а тех, что поменьше, разбросал по его одеянию.

Корзинка тоже осталась висеть в небесах, и мягкий свет, что струится из нее, мы называем Млечным путем. Он охраняет всех детей света. Когда солнце уходит на отдых и начинают мигать звезды, Тане ложится на спину и смотрит, как отец раскидывает свою мантию и небеса наполняются чудесной красотой и блеском Светящихся.

Счастливо и свободно жили Тане и его братья на Земле-матери, а тем временем чернобровый Тафири-матеа держал в пригоршне ветры и дожидался благоприятного случая. И вот он увидел Тане, лениво бродящего по лесу, а далеко в море заметил брата Тангароа и его внуков — Ика-тере, отца рыб, и Ту-те-вехивехи, отца пресмыкающихся. Тафири начал вздыматься и громоздиться, подобно тяжелой черной туче, над морем и сушей. Потом он открыл ладонь и швырнул ветры в пространство, а сам, выбравшись из-под стцовской мантии, закутался в черные грозовые тучи и засверкал молниями. Так Тафири обрушился на землю. Деревья согнулись под первыми порывами ветра. Бурей налетел на них Тафири и вырвал с корнем, и когда ветер стих, весь лес был повален и разорен.

Бог грозы пронесся до края океана. Вода в испуге вскипала и вздымалась. Волны поднимались все выше и выше — казалось, океан хочет выплеснуться из берегов и развеяться в брызгах пены. В безднах между волнами открывалось дно, и Тангароа с внуками устремился в глубины своего подводного царства.

— Поспешим под деревья,— вскричал Ту-те-вехивехи.

Но Ика-тере возразил:

— Только в море мы можем спастись от разгневанных богов!

Так случилось, что дети детей Тангароа разделились. Ту-те-вехивехи вместе со всеми пресмыкающимися побежал на землю, а Ика-тере стал прятать своих детей в море. Когда они расставались, их испуганные голоса перекрывали пронзительный вой Тафири-матеа.

— Что ж, бегите на берег! — кричал Ика-тере. — Торопитесь! А когда вас поймают, вас опалят горящим папоротником и съедят.

— А вы,— отвечал Ту-те-вехивехи,— те, что скрылись в глубины океана, знайте — придет и ваш черед! Когда корзинки с овощами попадут к тем, кто голоден, вас положат сверху как приправу.

Так начался бесконечный раздор, причиной которого был Тафири-матеа, ибо Тангароа так и не простил пресмыкающимся, что они убежали к Тане на сушу. Когда режут ветры, Тангароа бросает свои волны на берег и старается разрушить прекрасную страну Тане и залить ее грозными волнами моря. Но когда ветер утихает и воды успокаиваются, сыновья и дочери Тане садятся на свои лодки и вылавливают рыб, детей Тангароа, чтобы съесть их вместе с овощами, лежащими в их корзинках.

А Тафири еще долго гневался. Круша и ломая все на пути, он набросился на Ту-матауенга, отца мужчин и женщин. Угрюмо ревело море, и гигантские деревья лежали сломанные посреди истерзанного кустарника, но отца людей не сломил свирепый шквал, он стоял во весь рост и не гнулся. Тафири призвал на помощь все свои ветры, но Ту-матауенга не сдавался, и вот наконец побежденный отцом людей Тафири отступил к Небу-отцу.

Отец людей оглядел поваленный лес и исхлестанное море.

— Один я победил ветер,— гордо сказал он,— и мои дети никогда не будут бояться детей ветра. Все сыны Тане покорятся людям, и море тоже будет по-

виноваться моим детям, когда они поплывут по его волнам на своих каноэ, которые даст им Тане. А рыбы, птицы, коренья и ягоды будут их пищей.

Так дети Ту-матауенга стали повелителями лесов и морей.

Быстро сменялись дни по велению солнца, а Тане все мастерил птиц и пускал их парить по ветру до тех пор, пока воздух не наполнился пением пернатых — вот как были созданы птицы. Птицы сначала не знали, где находить пищу. Тане позвал их к себе и сказал, чтобы они летели к Туту, Караке, Кахике и другим деревьям и кормились в их кронах. Птицы полетели в лес и нашли там много ягод. До сих пор птицы находят в лесу насекомых, ягоды и мед — все, что Тане предназначил им в пищу.

Мир становился все старше и старше, и маленьких пернатых детей Тане становилось все больше. Некоторые из них полетели к морю и начали играть в воде или на мокром блестящем песке, там, где берег встречается с волнами. Но большинство пернатых улетели в прохладную тень деревьев. И лес зазвенел их голосами. Некоторые птицы только по ночам покидали свои убежища и летали в темноте, когда другие птицы спали. Каждая птица знала свой дом, свое время для вылета и возвращения, свои песни и свою еду.

Все знали, как жить, пока хвастливый Кавау, речной баклан, не пошел в гости к своему двоюродному брату — морскому баклану. Там Кавау дали на обед рыбу, но она была такая костистая, что застряла у него в глотке.

— Вот что, — сказал речной баклан брату, — приходи-ка в мои владения, и я покажу тебе угрей, у которых нет костей. В моем царстве рыбы в тысячу раз лучше, чем твои.

Он взял родича с собой. Морской баклан отведал угря, уверился в том, что ему сказали правду, и стал просить брата отдать ему часть речного царства. А Кавау, заметив, как быстро проскользнул угорь в глотку морского брата, пожалел о своем хвастовстве

и прогнал гостя. Морскому баклану пришлось убраться восвояси, но весть о чудесных рыбах, которые плавают в пресных водах рек, скоро разнеслась по всему свету.

И вот собрались морские птицы в могучее войско и полетели на берег, чтобы напасть на птиц, живущих на суше. В утро битвы Питоитой-малиновка издала предостерегающий клич, и все наземные птицы собрались вместе.

— Кто полетит на разведку? — спросил Кавау. — Кто предупредит нас об их приближении.

— Я полечу, — сказала Коекоа-кукушка. — Я предупрежу вас об их приближении.

Вскоре кукушка увидела тучу птиц, летящих с моря.

— Ку-ку, ку-ку! — закричала она.

Птицы услышали ее крик и далекое «а-ха» — это Кароре-чайка вызывала на бой.

— Кто ответит на их боевой клич? — спросил Кавау.

— Я отвечу, — сказал трубастый голубь, — у меня красиво развевается хвост, я махну им и вызову врагов на бой.

— А кто запоеет боевую песнь?

— Я, — сказал туи. — Пусть Хонги-ворона, и Тирауке-седлоспин, и Варауроа-короткохвостая кукушка, и Куку-голубь подпоют мне, а я начну.

Когда песнь окончилась, Кавау оглядел свое войско.

— Кто начнет бой? — спросил он.

— Я начну бой, — вскричала Руру-сова. — У меня крепкий клюв и крепкие когти.

Она снялась с ветки и ринулась на морских птиц, а наземные птицы тучей полетели следом за ней. Это была жестокая битва, и когда солнце поднялось высоко в небе, вся земля была усыпана перьями, словно хлопьями снега.

Но вот морскими птицами начал овладевать страх, так как птицы суши все ожесточеннее нападали на них. Наконец ряды морских птиц дрогнули и распались, они повернули вспять и полетели к себе домой, а им вслед звенел издевательский смех серой утки.

— Кря-кря-кря-кря! — смеялась утка над чайками, которые проносились мимо нее, словно летящие по ветру обрывки облаков.

Никогда больше морские птицы не пробовали пищу наземных птиц, и в мире, который создал великий Тане, воцарилось согласие.

Тане любовался красотой неба и земли, но он все еще был недоволен. Тане чувствовал, что его работа закончится лишь тогда, когда земля будет населена мужчинами и женщинами. У Тане и его братьев рождались дети, но они были бессмертными богами и жили на небе. Они не могли жить на земле, не могли ходить по ее дорогам.

И вот однажды боги сошли вниз и из теплой красной глины слепили женщину. Ее нежная кожа, округлые формы и длинные черные волосы были удивительно хороши, но сама женщина оставалась холодна и безжизненна. Тогда Тане наклонился идохнул ей в ноздри. Ресницы женщины задрожали, глаза открылись, она поглядела на стоявших вокруг богов и... чихнула. Это дыхание Тане вошло в нее, и женщина ожила.

Боги отнесли ее к себе на небо, омыли в небесных водах и назвали ее Хине-аху — женщина, сотворенная из земли. После этого женщину опустили на землю, и Тане стал ее мужем.

Тики, первый мужчина, был создан Ту-матауенгом, богом войны. После Тане он стал мужем Хине-аху, и их дети, мужчины и женщины, населили землю и унаследовали все удивительное и прекрасное, что сотворил для них Тане.

451751

МАТАОРА И НИВАРЕКА В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ

то случилось во времена далекого прошлого. Однажды ночью вождь Матаора беспокойно метался во сне. Ему пригрезилось, что он с таиахой * в руке сражается в смертельной схватке. Вокруг него на земле сидели мужчины и женщины, они вскрикивали от восторга при каждом его выпаде и ударе. А потом они почему-то засмеялись. Матаора удивленно осмотрелся. Облака сна уплыли с его глаз, и он вскочил на ноги. В открытой двери и в окне виднелись чьи-то белые лица, а рыжие волосы странных существ пламенели, словно пучки тоутоу ** в лучах утреннего солнца.

— Кто вы такие? — вскричал Матаора.

— Мы туреху ***, — последовал ответ.

— Откуда вы явились?

— Мы пришли из подземного мира. А ты кто будешь? Может быть, ты бог? — спросила одна из них: ведь все туреху — женщины.

* Широкий плоский тесак из твердого дерева, около полутора метров длиной.

** Многолетнее растение с пышным венчиком.

*** Сказочный белокожий народ.

А другая сказала:

— Уж не мужчина ли ты?

И все они рассмеялись.

— Как вы можете об этом спрашивать? — сердито ответил Матаора. — Разве вы не видите, что я мужчина?

Туреху снова рассмеялись, затем кто-то ответил:

— Откуда нам знать? Ведь ты не татуирован. Узор просто нарисован на твоём лице.

Матаора озадаченно уставился на них.

— А как иначе можно его сделать? — спросил он.

Туреху молчали, а потом высокая девушка сказала:

— Может быть, придет день и ты узнаешь.

Но Матаора не слышал ее ответа. Он все разглядывал туреху — раньше они в этих местах не появлялись.

— Заходите, — пригласил он, — я вас чем-нибудь угощу.

— Да, мы голодны, — ответили они, — но мы подождем здесь.

Матаора поспешил в свою кладовую и принес всякие кушанья. Странные создания были туреху.

— Можно это есть? — спросили одни.

А другие посмотрели на кушанья и сказали:

— Нет, это не едят.

Матаора рассердился.

— Смотрите, — закричал он, — я покажу вам, как это едят.

Туреху столпились вокруг него и, наблюдая за тем, как он ест, улыбались и кивали друг другу головой. Одна из них заглянула ему в рот и воскликнула:

— Ах, он ест ракушки.

— Это плохая еда, — закричали все остальные.

Тут Матаора вспомнил, что ему говорили, будто туреху едят только сырую пищу. Он побежал к пруду, наловил рыбы и положил ее перед белокожими женщинами.

Туреху засмеялись от удовольствия и принялись за рыбу. Пока они ели, Матаора хорошо их разглядел. Все туреху были стройные и белокожие, с тонкими носами, а льняные волосы ниспадали до самой талии.

Они носили набедренные повязки из высушенных водорослей.

Когда они кончили есть, Матаора вскочил и стал танцевать. Во время танца он заметил, что одна молодая девушка пристально смотрит на него. Она была выше своих подружек, и Матаора сразу приметил ее. Каждый раз, когда их глаза встречались, он чувствовал, что его все сильнее охватывает любовь.

Потом он сел, а туреху, взявшись за руки, начали танцевать величавый танец. Этот танец отличался и от пои *, и от хака **, — тех танцев, которые знал Матаора. Впереди всех шла девушка, что смотрела на Матаору, остальные следовали за ней длинной вереницей; потом передние повернули обратно, наклоняясь и скользя под руками своих подружек. От этого танца у Матаоры голова закружилась. Туреху все время пели, Матаоре казалось, что они повторяют одно и то же:

Вот идет Ниварека,
Ниварека, Ниварека.

Когда танец закончился, Матаора спросил, может ли он выбрать себе из них жену.

— Кого из нас ты хочешь? — стали нетерпеливо допытываться они, столпившись вокруг воина.

Матаора указал на высокую девушку, которая стояла позади своих подруг. Туреху опять засмеялись, а высокая девушка смущенно вышла вперед, и они с Матаорой прикоснулись друг к другу носами ***. Сердце Матаора радостно забилось. Вскоре туреху ушли. Матаора и его избранница, стоя у дверей фаре ****, проводили их взглядом.

— Куда они пошли? — спросил Матаора, и Ниварека с грустью ответила:

— Назад, в подземный мир, где так светло и прекрасно.

* Женский танец с цветными, сделанными из льна мячами, укрепленными на длинных пнурах.

** Мужской военный танец.

*** Так маори здороваются.

**** Дом, хижина.

Матаора обнял Нивареку.

— Ах нет, свет только там, где показывается Тама-нуи, жаркое солнце. Скажи мне, жена моя, кто твой отец?

Она повернулась к нему.

— Меня зовут Ниварека. Я дочь высокорожденного Уе-Тонга из Рарохонга — подземного мира. Но теперь я принадлежу Матаоре, могучему вождю надземного мира.

Горячо любил свою жену Матаора, и уходившие дни только усиливали эту любовь. Лишь иногда темное облако омрачало светлое небо их счастья: на Матаору, случалось, находило дурное настроение и приступы гнева. И вот однажды в такую минуту он ударил жену. Она посмотрела на него взглядом, полным печали, ибо туреху — кроткий народ и не привыкли к жестокому обращению. А ночью Ниварека ушла из дому. Повсюду искал ее Матаора, но так и не смог найти. Он скучал по ней и горевал, свет исчез из его жизни. Много дней прошло, а Ниварека так и не возвратилась, и тогда Матаора понял, что она вернулась домой в Рарохонга — в подземный мир. Он решил последовать за ней, хоть и знал, что это очень опасное путешествие.

Вскоре он пришел к Дому четырех ветров, где начиналось путешествие душ умерших в Рарохонга.

— Не проходила ли этой дорогой женщина? — спросил Матаора стража Дома четырех ветров.

— А какая она?

— Она прекрасна и бледна, у нее длинные льняные волосы и прямой нос.

— Видел, видел такую, — сказал страж. — Она прошла много дней назад да все плакала.

— Можно мне последовать за ней?

— Иди, если хватит смелости. Вот дорога.

Он открыл дверь, и Матаора увидел ход, ведущий вниз. Он спустился в него, и дверь за ним захлопнулась. Его окружила холодная тьма, дышать стало трудно. Долго шел Матаора, спотыкаясь в этой крошечной тьме, пока не заметил впереди проблески света.

Матаора ускорил шаги, и вот он увидел летавшего в сумраке Тиваиваку — трубастого голубя.

— Не проходила ли этой дорогой женщина? — спросил Матаора.

— Проходила, — сказал Тиваивака. — Глаза у нее были красные от слез.

Матаора пошел еще быстрее и вскоре достиг конца подземного хода.

Он вышел в новый мир. Не было там солнца, не было и голубого неба, только нависали сверху уступы скал. Однако весь этот просторный мир, до последнего уголка, был залит ровным, немеркнущим светом. Птицы пели, листва деревьев и трава колыхались под легким дуновением ветра, откуда-то доносилось журчание текущей по камням воды. Матаора не останавливался, пока не дошел до деревни, где жил Уе-Тонга, отец Нивареки.

Уе-Тонга сидел возле изгороди, и Матаора остановился посмотреть, что он делает. Перед стариком лежал на земле какой-то юноша, а Уе-Тонга костяным резцом вырезал на его лице узоры, а потом вмазывал в раны краску. Удивился Матаора, глядя, как кровь струится под острым резцом.

— Это плохая татуировка, — закричал он, — там, наверху, мы просто разрисовываем лицо красной, белой и голубой краской.

Уе-Тонга посмотрел на него.

— Наклони голову, — приказал он.

Матаора наклонился, Уе-Тонга быстро провел рукой по его лицу, и весь накрашенный рисунок смазлся. Матаора услышал смех белокожих туреху — так же они смеялись в тот день, когда, пробудившись от сна, он впервые встретил Нивареку. Матаора стал смотреть, нет ли среди них его жены, высокой и стройной, но ее не было.

— Теперь ты видишь, что твоя татуировка никуда не годится, — сказал Уе-Тонга. — В верхнем мире люди не владеют этим искусством. Здесь, в Парохонга, мы врезаем рисунок в тело, и он никогда не стирается.

Матаора присмотрелся к Уе-Тонга — годы изменили его лицо, но рисунок сохранился. Тогда Матаора

перевел взгляд на юношу, распростертого на земле,— под искусной рукой старика на лицо юноши ложился замысловатый узор, и Матаора устыдился простого рисунка, которым было украшено его лицо.

— Ты уничтожил мою татуировку,— сказал он Уе-Тонга.— Теперь ты должен вырезать новую вместо нее.

— Ладно,— согласился Уе-Тонга,— ложись.

Матаора лег на спину, и рисунок сначала был нанесен на его лицо углем. Потом Уе-Тонга наклонился над Матаорой и принялся постукивать молоточком по костяному резцу. Матаора содрогнулся, когда почувствовал, как врезается в тело острое. Он ухватился рукой за пучок травы и вырвал его с корнем. Молоточек постукивал, и резец медленно врезался в лицо. Матаору окатывали волны мертвящей боли, но вот он начал петь:

Ниварека, где ты?
Покажись, о Ниварека!
Привела меня сюда любовь,
Ниварека, Ниварека!

Неподалеку оказалась младшая сестра Нивареки. Она услышала песню и поспешила к Нивареке.

— Там татуируют человека, а он все время повторяет твое имя. Кто бы это мог быть?

Подруги Нивареки сказали:

— Пойдем посмотрим.

Они окружили лежащего на земле Матаору.

— Что вам здесь надо?— пробурчал Уе-Тонга.

Он был недоволен, что его прервали.

Ниварека ответила:

— Мы пришли, чтобы проводить странника в деревню и развлечь его.

Тем временем Уе-Тонга кончил татуировку. Он видел, что смуглокожий человек совсем обессилел. Матаора медленно поднялся с земли. Его лицо опухло и обезобразилось, из ранок струилась кровь. Туреху стали восхищаться его красивым сложением, широкими плечами, но никто не узнал его. Ниварека не сводила глаз с Матаоры.

— Это тело Матаоры,— сказала она,— и этот плащ я соткала для него.

Матаора сел, а Ниварека вышла вперед:

— Ты Матаора?

Он не видел ее — лицо у него опухло, и глаза заплакали,— но лишь только она заговорила, Матаора сразу узнал голос жены.

Он поманил ее рукой, и Ниварека уверилась, что это и вправду ее муж. Она приблизилась к нему, плача от радости.

Скоро татуировка была окончена, а когда зажили раны, Матаора сказал Нивареке:

— Давай вернемся в наш старый мир над Рарохенга.

Ниварека посмотрела на него.

— Мне кажется, нам следует остаться здесь,— ответила она.— Спросим у отца.

— Ты уж лучше один отправляйся, Матаора,— не раздумывая, сказал Уе-Тонга.— Ниварека останется здесь.— Он посмотрел на своего зятя.— Я слышал, в верхнем мире мужчины бьют своих жен.

Матаоре стало стыдно.

— Это в прошлом,— ответил он.— В будущем я буду вести себя так, как ведете себя вы в Рарохенга.

Уе-Тонга улыбнулся.

— Если твои слова идут от сердца, сын мой, бери Нивареку. Верхний мир — это мир тьмы, а здесь, в Рарохенга, много света. Возьми наш свет в вашу тьму.

— Взгляни на мое лицо,— сказал Матаора.— Ты нанес на него татуировку нижнего мира, она никогда не смоеется. Так же не изменится и мое желание жить в мире и любви.

Вновь соединенные муж и жена отправились в путь. Когда они дошли до темного хода, который вел в верхний мир, им повстречался Тиваивака — трубастый голубь.

— Вам надо взять кого-нибудь в проводники,— сказал он.— Возьмите с собой Попойа-сову и Пекалетучую мышь.

— Если мы их возьмем, за ними погонятся лесные птицы Тане.

— Они спрячутся в темноте ночи,— сказал Ти-ваивака.

Супруги взяли сову и летучую мышь — те летели впереди и показывали им дорогу. С тех пор сова и летучая мышь летают только ночью.

Наконец они пришли к Дому четырех ветров, и страж спросил Нивареку:

— Что лежит в узле, который вы несете?

— Так, ничего,— ответила она,— только одежда, которую мы будем носить в верхнем мире.

Страж нахмурился.

— Вы меня обманываете. Никому не дано возвратиться из Рарохонга в верхний мир. Обратный путь закрыт. Ведь в Рарохонга приходят только души умерших. Вы взяли с собой одеяния подземного мира?

— Да,— ответила Ниварека. Она взяла в верхний мир образчик красивой каймы для плащей женщин.

Страж протянул руку, и Ниварека отдала ему узел. Он развязал узел и повесил кайму на стену — многоцветным сиянием засверкал его мрачный дом. А пока он развешивал кайму, Матаора и Ниварека незаметно проскользнули за его спиной. Они вернулись в свой дом и счастливо прожили там до конца своих дней.

Матаора был тот, кто открыл людям секрет татуировки, которую нельзя стереть, а Ниварека научила женщин ткать цветную кайму на плаще. От их любви пришло в мир это искусство, от любви Матаоры и Нивареки в начале существования нашего мира.

алеко, далеко, посреди океана, качался на волнах клубок морских водорослей. Над ним, пронзительно крича, кружились птицы. В колыбели из водорослей лежало дитя, туго запеленутое в волосы матери, защищавшие его от птиц и страшилищ морских глубин. Это был Мауи, маленький Мауи, завернутый в волосы своей матери Таранги. Он был пятый сын, Мауи нежеланный, которого бросили в море.

Вскоре клубок водорослей выкинуло на прибрежный песок. Дитя заплакало, потому что водоросли сохли и стали отваливаться, его нежную кожу облепили мухи, и птицы тоже осмелели. Из своего дома у крутого обрыва великий Тама Небесный услышал тонкий жалобный плач. Он подбежал к клубку водорослей и высвободил ребенка из спутавшихся волос. Глаза Тама широко раскрылись от удивления, когда он увидел иззябшего, посиневшего маленького Мауи. Осторожно подняв ребенка, Тама отнес его домой, а там повесил в корзинке к стропилам. Маль-

чик качался взад и вперед возле теплого очага и вскоре начал смеяться и размахивать ручонками.

Это было первое приключение Мауи. На сей раз морские водоросли и старик, живший на краю света, спасли его от смерти. Когда Мауи подрос, он многому выучился у мудрого старого Тама: он знал пути-дороги птиц и говорил на их языке, отгадывал хитрости рыб; он играл в детские игры и умел проникнуть в думы старых людей, когда они сидят ночью вокруг костра. Потом Мауи стал совсем большим. Он узнал всех детей Танае и изучил магию, которая сделала обитателей леса его друзьями. А под конец он узнал, где живет его мать.

— Теперь я пойду к своим родичам,— сказал он однажды Тама.

— Да, тебе пора идти,— грустно ответил Тама,— ты покинешь старика, который многому тебя научил. Ты совершишь удивительные подвиги, Мауи, и только один будет тебе не под силу. Много приключений ждет тебя, но последнее будет самым удивительным. Вот тогда ты потерпишь поражение. Нет, сын мой, я не скажу тебе, что это за приключение. Хорошо уже то, что ты ринешься в бой, а то, что ты проиграешь его, не станет для тебя позором. Никто еще не выиграл этой битвы. И ты, Мауи, не будешь забыт. Теперь же, сын мой, поспеши — мир ждет тебя.

Мауи побежал по песчаным дюнам на запад. Он взбирался на холмы и спускался в равнины. Вдалеке показалось фаре, над крышей подымался тонкий виток дыма. Мауи всем своим существом почувствовал, что это фаре его матери. Уже стемнело, когда он приблизился к родным местам; песня, доносившаяся из фаре, не дала ему сбиться с пути. Мауи заглянул в дверь и увидел, что в очаге разведен огонь и фаре заволочло дымом. Словно тень, проскользнул Мауи внутрь и, незамеченный, сел позади одного из братьев. Вскоре к детям пришла мать и сказала:

— Я буду называть вас по имени, а вы вставайте. А потом мы начнем танец. Мауи-таха!

Поднялся старший брат.

— Первый встал. Мауи-рото! Двое встали

Мауи-пае! Теперь вас трое. Мауи-вахо! А это четвертый. Вот и все мои сыновья.

Тогда поднялся младший Мауи и, выйдя из тени, сказал:

— Я тоже Мауи.

Мать удивленно поглядела на него:

— О нет, ты не Мауи. Все мои сыновья здесь. Я сама их сосчитала.

— Я Мауи,— настаивал юноша.— А это мои братья. Смотри, я знаю их имена: вот он — Мауи-таха, а дальше стоят Мауи-рото, Мауи-пае и Мауи-вахо. Теперь и я пришел, Мауи-меньшой.

— Никогда я раньше тебя не видела,— ответила мать, а Мауи-таха, Мауи-рото, Мауи-пае и Мауи-вахо недоуменно уставились на него.

— Нет, юный странник, ты не можешь быть Мауи. Откуда ты пришел?

— Я пришел из моря. Волны были моей колыбелью, рыбы и птицы дрались из-за меня, но я был запеленут в волосы матери.

Мать взяла факел, поднесла его к самому лицу Мауи и быстро спросила:

— Как меня зовут?

— Ты моя мать, Таранга.

И тогда она склонилась к нему и заключила его в объятия.

— Да, ты и вправду мой маленький Мауи,— сказала Таранга,— я нашла тебя. Ты будешь пятый Мауи, и звать тебя будут Мауи-тикитики-а-Таранга — Мауи, который был завернут в волосы Таранги. Ты будешь жить здесь с братьями и снова станешь моим маленьким сынком.

Мауи-тикитики-а-Таранга был лукавым озорником, и теперь ему было кого изводить — своих четырех братьев. Когда они запускали воздушных змеев, змей Мауи подымался выше всех. Когда они играли в салки — они это называли играть в ви,— Мауи бежал быстрее всех. Когда метали дротики, его папоротниковый дротик летел дальше всех. Когда соревновались, кто больше заберет в себя воздуха, Мауи мог говорить сколько угодно, не переводя дыхания. Никто

не заплывал дальше и не нырял глубже Мауи. Он был в большой дружбе со всеми лесными обитателями и, пользуясь магией, которой он выучился у Тама, мог сам обернуться в птицу и упорхнуть от братьев, если они уж очень на него злились.

Мауи потешался над своими неповоротливыми и глупыми братьями, и те возненавидели его. А ему все было нипочем, он только смеялся над ними и уходил играть со своими друзьями птицами. Лишь одно омрачало жизнь Мауи — он ни разу не видел своего отца. С вечера он засыпал рядом с матерью на полу фаре, но, проснувшись утром, не находил ее, и она не показывалась вплоть до наступления ночи.

— Куда уходит мать на день? — спросил он у братьев.

— Почем мы знаем! — отвечали они.

— Но вы с ней живете всю жизнь, не то что я.

— Куда бы она ни уходила — на север, на юг, на восток или на запад, — нам все равно, — сказали братья.

Мауи понял, что братья ничего не расскажут ему. Ну и пусть, он все разузнает сам.

И вот ночью, услышав ровное дыхание матери и убедившись, что она спит, Мауи подкрался, взял ее красивую белоснежную повязку и цветной передник и спрятал их под свою циновку. Потом он подошел к окнам и законопатил все щели, чтобы утром в них не проник свет.

Рано утром мать Мауи проснулась, приподнялась на локте и посмотрела на окна: не рассвело ли? Хотя облака на небе уже слегка порозовели по краям, но в фаре не было ни малейшего проблеска света. Мать снова легла и заснула. Когда она проснулась во второй раз, в фаре по-прежнему было темно, но снаружи слышалось пение птиц. Таранга мигом вскочила, распахнула окно и увидела, что все вокруг залито ярким солнечным светом. Она хотела было взять свою повязку и передник, но их не оказалось на месте. Не теряя времени на поиски, она набросила на себя старый плащ и выбежала из хижины.

Свет, внезапно озаривший фаре, разбудил Мауи, и он украдкой последовал за матерью. Вскоре он заметил, как она наклонилась и вырвала пучок травы. В земле открылось большое отверстие, в которое Таранга легко спустилась и снова закрыла его пучком травы.

Мауи понял, что мать проводит дни во мраке подземного мира. Он поспешил к братьям.

— Я выяснил, куда уходит наша мать на весь день,— закричал он.— Она ходит к нашему отцу, в страну теней. Последуем за ней, братья.

— Какое нам дело, куда она ходит? — сказал один из них.

Другие братья согласились с ним.

— Верно! Разве это нас касается? Ранги, Великое Небо — наш отец, и Пэпа, Земля — наша мать.

— Тогда я найду ее,— сказал Мауи.— Таранга — наша мать, она приносит нам пищу, остается с нами ночью, ухаживает за нами и любит нас. Я найду ее.

Он взял повязку и передник матери и надел на себя. И тут же, на глазах у братьев, Мауи уменьшился в десять раз, и на том месте, где он стоял, они увидели красивого голубя. На груди его сияла белизной материнская повязка, а оперение переливалось нежными цветами передника. Братья вскрикнули от восторга, когда он вспорхнул и полетел над деревьями... Вот он опустился у того места, где скрылась мать, приподнял пучок травы и углубился в подземелье.

Там, где пещеры сужались, Мауи складывал крылья и быстро проносился по извилистым переходам, которые вели в подземный мир. Наконец Мауи очутился в сказочной стране, где не было солнца. Здесь росли высокие деревья с пышными кронами. Воздух был тих и спокоен, и листва не колыхалась под порывами ветра. Мауи подлетел к одному дереву и уселся на нижнюю ветку.

Вскоре сюда пришли несколько мужчин и женщин. Двое из них сели под дерево, на котором притаился Мауи. Это была его мать, и Мауи понял, что мужчина около нее — его отец. Мауи отщипнул клювом ягоду и сбросил ее прямо на голову отцу.

— Наверно, это птица выронила ягоду,— сказала мать.

— Нет,— сказал отец,— она созрела и упала.

Тогда Мауи отщипнул целую гроздь и попал сразу в обоих. Отец и мать вскочили на ноги, и все другие мужчины и женщины поспешили к ним, потому что теперь все увидели необычного голубя. В подземном мире птицы бесцветные, серые. Завидев диковинного голубя, мужчины принялись бросать камни, стараясь сбить его с ветки. Увертываясь от камней, Мауи прыгал с места на место.

Но вот бросил камень отец Мауи — птица упала и забилась у его ног. На глазах у всех она становилась все больше и больше, меняла свой облик, и вот голубь превратился в высокого стройного юношу в прекрасном плаще и белой повязке, сияющей на его коричневой коже.

Мать Мауи узнала сына.

— Это не Мауи-таха, мой перворожденный,— сказала она,— и не Мауи-рото, мой второй сын, и не Мауи-пае, третий сын, и не Мауи-вахо. Это мой маленький Мауи, мой меньшей сынок Мауи-тикитики-а-Таранга.

Мать крепко прижала сына к своей груди.

— Это дитя, которое прибили к берегу ветер и волны. Ты принесешь радость и печаль в мир, ты свяжешь солнце, Мауи; быть может, ты даже победишь саму смерть.

Мауи пошел с отцом, и его посвятили в таинства и произнесли над ним заклинания, которые помогли ему стать храбрым и непобедимым.

Мауи-меньшой счастливо зажил со своими родителями. Голуби, летавшие по лесу, были довольны; теперь они сияли яркими цветами одеяния матери Мауи.

Но Макеа-ту-тара, отец Мауи, и Таранга, его мать, грустили: они знали, что не все заклинания были сказаны при посвящении и что Мауи так никогда и не победит богиню смерти.

Живя в подземном мире, Мауи заметил, что каждый день старательно приготовленную пищу относят кому-то, чье имя никогда не произносится. А Мауи любил доискиваться до причины всего происходящего, поэтому он спросил однажды:

— Для кого эта пища?

— Это для твоей бабушки Мури-ранга-фенуа.

— А, я слышал о ней, — сказал Мауи. — Дайте-ка я отнесу ей пищу.

Он взял корзинку и пошел к мрачной пещере, где жила Мури, однако вместо того чтобы отдать еду старухе, Мауи спрятал корзинку в темном углу, где ее никто не мог заметить. Каждый день Мауи брал еду и прятал ее. Так продолжалось до тех пор, пока Мури не проголодалась всерьез.

— Где моя еда? Кто обкрадывает меня? — прогромыхал по сводчатым пещерам ее голос.

Мауи притаился.

— Я поймаю вора и съем его! — кричала старуха. Она повернулась и принялась к южному ветру, но ничего не учуяла. Потом повернулась на север — человеческий запах оттуда тоже не шел. Повернулась на восток — никого нет. Наконец она повернулась на запад.

— Ага! — закричала она. — Я чую его! Что делает молчаливое человечье существо в подземном мире? — И старуха снова пэвела носом.

— Уж не внучек ли это мой, Мауи-меньшой? — спросила она.

— Да, это я, Мауи-тикитики-а-Таранга.

— Почему ты берешь мою еду, маленький Мауи? Чего ты хочешь, маленький Мауи?

— Мне нужна, бабушка Мури, твоя челюсть. Дай мне ее, и я отдам тебе еду и оставлю тебя в покое.

Мури, видно, задумалась, потом снова прогромыхала:

— Неси мне еду, Мауи. Неси мне все, что есть. Я стара, и мне уже не нужна эта челюсть. Возьми ее, скоро она тебе понадобится.

Мауи бесстрашно вышел вперед. Он взял волшебную кость и поспешил назад, к отцу и матери. Он

спрятал челюсть бабки под циновкой и хранил ее как сокровище до тех пор, пока не пришло время ею воспользоваться.

Мауи стал совсем взрослым мужчиной. Он взял жену из верхнего мира и поселился в той же деревне, где жили его братья. Каждый день бог солнца быстро подымался в небо и еще быстрее спускался вниз. Люди в спешке готовили утреннюю еду и быстро съедали ее, а немного погодя снова наступала темнота. Люди роптали — слишком короткими были часы света, но никто не пытался изменить этот порядок. Только Мауи, глядя на солнце, торопливо бегущее по небу, все обдумывал, как бы его остановить.

— Дни слишком коротки,— сказал он братьям.

— Да, мы даже не успеваем за день переделать все дела. А играем и веселимся, когда уже совсем темно.

— Мы должны сделать дни длиннее,— заявил Мауи.

Братья рассмеялись.

— Разве солнце — это птица, которую можно поймать, когда она сядет на ветку? — сказали они.

— Да,— убежденно ответил Мауи.— Я хочу поймать его, как птицу на ветке.

Братья засмеялись еще громче.

— Разве ты бог, чтобы предстать перед солнцем, когда оно светит в полную силу?

Глаза Мауи засверкали.

— Слишком быстро, братья, вы забыли, на что я способен,— сказал он.— Разве я не могу превратиться в птицу? Разве я не самый сильный из всех людей? А кому принадлежит волшебная челюсть нашей бабушки Мури? Завтра мы отправимся навстречу восходящему солнцу, сплетем из крепких веревок силок, поймаем солнце и заставим его покориться нам.

— Но веревки сгорят! Солнце разорвет их, словно ниточки, а его жаркий гнев иссушит нас, — возражали братья.

— Пошлите ваших жен за льном, и мы сейчас же сплетем веревки,— решительно сказал Мауи. Глаза его снова засверкали, и так как братья его боялись, они сели и начали плести крепкие веревки.

Потом Мауи взял магическую челюсть и отправился к месту восхода солнца, а братья шли следом за ним и несли веревки. Днем они прятались, а ночью шли как можно быстрее и вот наконец достигли края света. Там они построили длинную глиняную стену, чтобы было где укрыться от раскаленных солнечных лучей. Потом сложили из ветвей две хижины у одного и у другого конца стены и спрятались там — Мауи в одной хижине, братья в другой. А над тем местом, где восходило солнце, они укрепили большую петлю, прикрыв ее ветками и листьями.

Скоро, полая жаром, стало подниматься солнце. Братья держали конец веревки.

— Осторожно! — прошептал Мауи.— Подождите, пока он не влезет в петлю с головой и лапами... А-а! Попался! Теперь тяните!

Братья потянули за веревку, которая обвилась вокруг Тама-солнца,— у-ух! Они тянули до тех пор, пока веревка не задрожала и не запела песню о крепких веревках, натянутых до предела. Тама почувствовал боль — словно огненный обруч опоясал его. Он увидел стену, и хижины, сложенные из ветвей, и веревку, протянувшуюся от его тела к двери хижины. В гневе он метался из стороны в сторону. Он хотел разорвать льняную веревку руками, но она была крепко сплетена. Тогда Тама уперся ногами в землю, и веревка запела еще звонче — так жужжит рой мошкары летом над кустарником. Веревка ускользала из рук братьев, и даже грохочущие стоны солнца не могли заглушить их тяжелое дыхание.

Мауи схватил свое оружие и, прячась за стеной, побежал к солнцу. Потом он выпрямился во весь рост и изо всех сил обрушил челюсть Мури на голову Тама. Он колотил Тама до тех пор, пока воздух не наполнился стонами бога солнца. Голова его поникла. Братья Мауи снова натянули веревку, а сам Мауи все еще продолжал колотить солнце, да так сильно, что

казалось, это с треском рушатся на землю объятые пламенем деревья. Наконец бог солнца упал на колени и запросил пощады. И тогда бога отпустили, потому что он был тяжело ранен и утратил свою былую силу.

С тех пор солнце не скачет по своей дневной дорожке так, что за ним не угонишься, а степенно, не спеша двигается по небу.

Пытливый ум Мауи никогда не успокаивался готовыми ответами.

— Откуда берется огонь?

— Он ведь здесь,— нетерпеливо отвечали братья.— Зачем же тебе знать, откуда он берется? Если он есть, зачем нам знать, откуда он пришел.

— А что мы станем делать, если огонь уйдет?

— Мы не отпустим его, а если это все-таки случится, наша мать знает, где его раздобыть, только нам не говорит.

Однажды ночью, когда все заснули, Мауи вышел из фаре и прокрался к тлеющим кострам, на которых в деревне готовили пищу. Спокойно, не торопясь, он стал лить на них воду до тех пор, пока не была затухшена последняя искорка...

Как только небо заалело первыми проблесками зари, Мауи позвал рабов и сказал им:

— Я голоден, приготовьте мне что-нибудь, да поскорее.

Рабы поспешили к кострам, но нашли там лишь серый пепел. Тогда в смятении побежали они от хижины к хижине и рассказали о случившемся. Вся деревня пришла в волнение. А Мауи не выходил из своего фаре. Услышав шум, он заулыбался. Вскоре с деревенской площади до него донеслись голоса: его мать приказывала слугам отправиться в подземный мир и взять там огонь.

Мауи накинул на себя плащ из перьев киви и направился к площади. Там охваченные ужасом столпились рабы: они очень боялись подземного мира.

— Мать, я пойду,— сказал Мауи.— Где надо искать страну тьмы? Кто сторожит огонь?

Таранга с подозрением посмотрела на своего сына.

— Раз никто не хочет идти, тогда пусть мой младший сын совершит это путешествие, — сказала она. — Если пойдешь той дорогой, что я тебе покажу, то придешь к дому Мауики. Она — твой предок и хранительница огня. Если она спросит, как тебя зовут — назовись. Но будь осторожен и почтителен, сын мой. Мы знаем, ты любишь всякие проделки, Мауи-тики-тики-а-Таранга, но Мауика очень могущественна, и, если ты попытаешься ее обмануть, она накажет тебя.

Мауи проказливо ухмыльнулся и размашистым шагом двинулся по указанному матерью пути. Скоро он дошел до страны теней, где жила богиня огня. Глазам его предстало великолепное фаре, стены которого были покрыты чудесной резьбой и украшены раковинами пауа, светящимися в темноте, словно ярко сияющие глаза.

— Кто этот храбрый смертный, глазеющий на фаре огневой Мауики? — донесся до Мауи надтреснутый старческий голос, словно затрещали ветки на костре.

— Это Мауи.

— У меня пять внуков по имени Мауи. Ты Мауи-тикитики-а-Таранга?

— Да, это я.

Старуха фыркнула.

— Чего же ты хочешь от своей бабушки, Мауи-последыш?

— Я хочу принести огня матери и братьям.

— Ну что же, я дам тебе огонь, Мауи.

Мауика сняла с одного пальца ноготь, из него исторглось пламя.

— Осторожно носи его, Мауи, и зажги им ваш костер, — напутствовала внука Мауика.

Мауи взял огонь, отошел подальше, бросил его на землю и затоптал. После этого он вернулся к фаре Мауики.

— Вот как, это снова Мауи?! — удивилась старуха. — Что тебе нужно на сей раз?

— Огонь. Тот я потерял. Он потух.

Мауика нахмурилась.

— Значит, ты был беспечен, внук мой. Я дам тебе огонь с другого пальца, но ты должен прикрыть пламя рукой.

Мауи взял пылающий ноготь и, едва скрылся из виду, снова затоптал пламя и вернулся назад к Мауике. Богиня огня выбранила его и, ворча, дала еще один ноготь.

Пять раз Мауи уходил с огнем и пять раз возвращался обратно. Десять раз он уходил и десять раз возвращался с пустыми руками. Мауика отдала ему все ногти с пальцев рук. Неохотно рассталась она с ногтем большого пальца ноги, и все-таки вскоре хитрый Мауи снова вернулся назад за огнем. Пять раз он уходил и пять раз приходил назад без огня. Девять раз он уходил и тотчас же возвращался с пустыми руками.

Наконец терпение Мауики лопнуло. Подземный огонь сотряс фаре, в дверь и окна повалил дым, и Мауи в раскаленной тьме бросился к двери. Глаза Мауики сверкали, словно молнии. Она сорвала оставшийся ноготь и швырнула им в Мауи. Лишь только ноготь коснулся земли, раздался грохот, словно гром прогремел, и прямо на Мауи вихрем помчалось широкое пламя. Он бросился бежать со всех ног, а пламя гналось за ним, будто рычащий танифа *. Тогда Мауи обернулся ястребом и, сильно взмахивая крыльями, полетел вперед, но пламя настигало его и опаляло его перья. Они у ястреба так и остались коричневыми в тех местах, где их когда-то коснулось пламя.

Впереди показалось озеро. Сложив крылья, Мауи нырнул в воду, но вскоре вода стала нагреваться. Беспечно заерзал Мауи на дне озера, а вода уже сделалась совсем горячеей и начала кипеть. Мауи взлетел. Пожар бушевал повсюду. Лес был объят пламенем, в небе металась огненные языки.

Казалось, огонь уничтожит весь мир. Тогда Мауи вспомнил богов, которых узнал в доме Тама. Он воззвал к ним. Боги увидели, что земля в смертельной опасности, и наслали на огонь тяжело падавший

* Танифами маори называли фантастических чудовищ.

дождь, вода сбила гребни пламени и стала пробиваться сквозь стены огня. И тогда в самой середине огня хрипло закричала охваченная ужасом Мауика. Она повернулась назад и бросилась к дому, но силы уже оставляли ее. Пламя почти заглохло, только кое-где судорожно метались маленькие язычки, а потом и они потухли.

Остатки огня Мауика бросила в деревья, они скрыли его у себя внутри и навсегда сохранили огонь для человеческих детей. Этими деревьями были каикомоко, махое и тотара.

Вот так проделки Мауи окончились добром, потому что люди научились тереть кусочки дерева один о другой и в любое время вызывать к себе огневых детей Мауики.

Мауи любовно похлопывал по своему рыболовному крючку. Он был сделан из челюсти его бабушки Мури-ранга-фенуа. Крючок был покрыт перламутром и украшен пучками собачьей шерсти, а внутри него скрывалась магическая сила.

Солнце еще не поднялось над морем, а Мауи крадучись вышел из фаре и забрался в каноэ братьев. Он поднял донные доски, проскользнул под них и растянулся на днище каноэ, а доски опустил на прежнее место.

Долго ждать ему не пришлось. Восточное небо еще только розовело, когда пришли братья Мауи, свалили в каноэ груды рыболовных снастей и спустили его на буруны. Мауи, спрятавшийся у них под ногами, слышал, как они подсмеивались над ним.

— Ловко мы отделались от Мауи-меньшого, — сказал Мауи-пае. — Он, поди, еще спит.

— Мауи не спит! — раздался голос снизу.

Братья с удивлением переглянулись. Казалось, звуки идут из-под каноэ.

— Может, это крикнула чайка? — сказал Мауи-вахо.

Они взялись за весла, и каноэ двинулось вперед. Но вот братья опять перестали грести. На этот раз

они не ошиблись: Мауи снова смеялся над ними. Братья приподняли доски и увидели Мауи — он скалил зубы и гримасничал.

— Мауи! — закричали они. — Мы не возьмем тебя. Ты испортишь нам ловлю.

Мауи заулыбался еще шире.

— Вы возьмете меня, — сказал он.

— Нет. Сейчас мы повернем назад. Наше каноэ достаточно широко для Мауи-пае и Мауи-рото, для Мауи-вахо и Мауи-таха, но оно слишком тесно для Мауи-тикитики-а-Таранга.

— Вы возьмете меня с собой, — повторил Мауи. Он протянул руку и показал на берег. Братья оглянулись: там, где только что была земля, простирался голубой океан Кива — с помощью волшебства Мауи расширил его, и земля затерялась за вздымающимися волнами.

— Гребите, — скомандовал он.

— Не станем, — ответили братья и сложили весла.

— Гребите! — закричал Мауи. Улыбка исчезла с его лица, глаза стали холодными и твердыми, как куски нефрита. Братья молча подняли весла и согнули спины...

Они очень устали. Но вот Мауи приказал остановиться.

— Забрасывайте удочки, — скомандовал он, — и тогда увидим, хорошее ли я выбрал место для ловли.

Молча насадили братья наживку на свои крючки, забросили удочки в воду, и тотчас же удочки задержались у них в руках. Скоро дно лодки покрылось рыбой.

— Хватит, — сказал старший брат. — Мы хорошо порыбачили. Теперь можно возвращаться.

Мауидохнул на свой крючок, потерял его и залюбовался — так блеснул он на свету.

— Вы закончили лов, братья, — ласково сказал он, — а я еще не начинал.

— Ну, что ты! — хором вскричали братья. — Здесь хватит рыбы и для нас, и для тебя, Мауи. Вернемся домой к нашим женам и детям.

— Ах, братья, вы еще не видели, как ловит рыбу Мауи. Я только один раз закину удочку. Дайте-ка мне наживку.

Но братья не хотели ничего ему давать, боясь, как бы Мауи не сыграл с ними очередной шутки. Тогда Мауи с такой силой стукнул кулаком себе по носу, что потекла кровь. Он обмазал ею крючок и закинул удочку в воду.

Леса скользила между пальцами Мауи, она уходила все дальше и дальше вглубь. Скоро Мауи почувствовал, что крючок зацепился. Братья не сводили с него глаз. Он слегка дернул лесу, чтобы крепче зацепить крючок.

В молчаливом царстве Тангароа крючок Мауи зацепился за дверь дома Тонгануи, сына морского бога. Мауи натянул лесу, уперся ногами в борт каноэ и, собравшись с силами, начал вытягивать лесу из моря. Тяжело застонал дом Тонгануи. Он немного накренился, потом снова стал на место. Леса натянулась еще больше и задрожала, и тогда дом вместе с землей оторвался от дна моря и стал подниматься вверх.

Мауи запел ту песню, что делает тяжелую ношу легкой. Глубоко в воду опустили свои весла братья. Мауи пел все громче и громче, а мускулы на его руках выступали, словно корни дерева. Леса пронзительно звенела.

Братья глухо вскрикнули от удивления, когда из воды медленно поднялась текотеко — человеческая фигура, вырезанная на коньке крыши, а потом показались стены дома и дверь, за которую зацепился магический крючок. А под домом была земля. Она походила на блестящую длинную рыбу, хвоста ее отсюда даже не было видно. Сбросив с себя океан, земля высоко подняла на себе каноэ.

Вот какова была рыба Мауи!

— Оставляйтесь в каноэ, — сказал Мауи братьям, — но только молчите. Ни звука! Морской бог разгневан, и мне нужно помириться с ним. А потом мы поделим эту землю между собою.

Мауи скрылся вдали. Гладкая, светлая, сияющая, раскинулась земля, которую Мауи вытянул из мор-

ских глубин. На ее просторах виднелись дома. В спокойный воздух очаги посылали столбы дыма. Птицы щебетали, и ручьи журчали меж берегов.

— Это моя земля! — закричал Мауи-таха.

— Нет, моя! — воскликнул Мауи-вахо.

— Ах, вы спорите?! Значит, она моя, — сказал Мауи-пае.

Братья выпрыгнули из каноэ и побежали по земле, полосуя ее теслами и объявляя участки своими.

Рыба-земля, дремавшая на поверхности океана, почувствовала бегущие по ней ноги братьев и удары их тесел. Она задрожала, и ее гладкое тело покрылось складками.

Вот почему на Рыбе Мауи появились горы и долины и скалистый берег. А если бы братья не делили ее, земля так и осталась бы гладкой.

Рыбная ловля Мауи — история далеких времен. Те Ика а Мауи называют эту землю — Рыба Мауи*. А крючок застрял в ней на веки вечные. Видели вы изогнутый берег, что тянется от бухты Хауки до мыса, который маори называют Те Матуа а Мауи? Это и есть рыболовный крючок Мауи.

А вот как Туна-роа стал отцом всех угрей. Когда-то он жил в озере на спине рыбы, которую Мауи вытянул из моря.

Мауи сам немного пожил на этом большом острове со своей женой Хиной. Каждый день Хина ходила к озеру за водой. Однажды утром, когда она наклонилась, чтобы наполнить калешаш**, вода в озере забурлила и на поверхность его выскочило чудовище, длинное и извивающееся. Это был Туна-роа. Вода струями стекала с его высоко поднятой головы. Хина отпрянула и бросилась прочь, но поздно: Туна метнулся за ней и ударил женщину по спине. Хина ничком упала на землю. Тогда Туна выскочил из воды и обвился вокруг нее скользкими кольцами. А потом он снова нырнул в воду.

* Северный остров Новой Зеландии.

** Сосуд в форме бутылки из тыквы.

Ничего не сказала Хина мужу. На следующий день, опуская калешаш, она зорко следила, не забурлит ли вода в озере. И снова она увидела, что кто-то плывет по спокойной темной воде. Хина бросила калешаш и побежала, но споткнулась о камешек и упала. И тут же влажное тело Туна обвилось вокруг нее.

На этот раз Хина все рассказала мужу. Мауи разгневался. Он отправился в лес, выбрал несколько деревьев и произнес над ними заклинания, чтобы они исполнили его волю. Потом срубил эти деревья и сделал из них лопаты, что сами по себе скоро и глубоко копают землю, копыя, что метко разят цель, и ножи, что быстро режут. Все это он взял с собой. Лопаты вырыли широкий ров от озера до моря. Мауи протянул поперек рва сеть и стал ждать. Вскоре пошел дождь. Ручьи стекали в озеро, вода в нем поднималась все выше и выше, а потом прорвала узкую земляную плотину, оставленную лопатами, и с грохотом устремилась в ров. Бурный поток увлекал за собой комья земли, стволы деревьев, кусты, а в самой его стремнине тщетно сопротивлялся бешеному течению Туна-роа. Его швыряло из стороны в сторону, пока наконец он не застрял в ячейках сети. Тогда Мауи занес нож и отхватил Туне голову. Она упала в воду, и ее унесло в море. Затем разгневанный Мауи отсек Туне хвост, а туловище разрубил на мелкие кусочки. Но Туна-роа не умер. Его голова превратилась в рыбу, хвост сделался морским угрем, а маленькие кусочки его тела — угрями, плавающими в пресной воде. Так Туна-роа стал отцом угрей.

Шли годы, Мауи старел. Он был по-прежнему весел, но уже серебрились нити в волосах, а его двое сыновей стали совсем взрослыми. Оба пошли в отца — все проказничали да забавлялись, и Мауи забеспокоился. Однажды, на закате солнца, он призвал их к себе.

— Сыны мои, — сказал Мауи, — я устал слушать

про ваши безобразия. Стыда не оберешься с вами. Пора вам покинуть этот свет.— Он положил руки им на плечи и продолжал: — Но люди не забудут моих сыновей. Я превращу вас в звезды. Те, кто наблюдает, как приходит ночь, заметят эти звезды, и всякий, кто дожидается рассвета, будет любоваться ими. Прощайте, дети мои!

Он дотронулся до сыновей, и они превратились в ярко сияющие звезды. Мауи взял их челюсти, чтобы пополнить свой запас рыболовных крючков, а потом забросил сыновей на далекий небосвод. Они и сейчас еще светят на широко раскинутой мантии Неба-отца. Один из сыновей Мауи стал утренней звездой, а другой — вечерней.

Среди тех, кто видел, какая судьба постигла сыновей Мауи, был старый и слабый Таки, старший брат Мауи. Он видел, как племянники-звезды мирно сияли на небе. О таком покое можно было только мечтать.

— Закинь меня на небо, как ты закинул туда моих племянников,— стал просить Таки,— я тоже хочу вечно жить на виду у людей.

Мауи в раздумье посмотрел на своего брата. Несмотря на преклонный возраст, зубы у Таки были белыми и крепкими. Из челюсти Таки вышел бы замечательный рыболовный крючок. Но очень уж его брат жирный и тяжелый.

— Закинуть тебя на небо я не могу,— сказал Мауи,— но отдай мне твою челюсть, и я покажу тебе, как взобраться наверх по паутине, которая тянется от земли до неба.

Таки согласился и с помощью Мауи взобрался в поднебесную высь. А жюгда он достиг своего места на небе, один его глаз ярко заблестал. С тех пор весело светит людям Такиара — Путеводная звезда.

Мауи отправился на рыбную ловлю с Иравару, который приходился ему свояком. Он взял с собой знаменитый рыболовный крючок, сделанный из челю-

сти Мури. Крючок был очень красивый, гладко отполированный, но Мауи не мог ничего поймать. даже мзгия не помогала, а Иравару тем временем вытаскивал рыбу за рыбой, и серебристая грудка на дне лодки все росла и росла. Мауи начал злиться.

Но вот его леса дернулась. Мауи стал быстро ее выбирать и зацепился за леса Иравару.

— Отведи свою леса. Это моя рыба,— сказал Мауи.

Иравару распутал леса и отвел ее в сторону. Потом оба вытянули свои леса. Когда рыба уже хватала ртом воздух на дне каноэ, Мауи увидел, что она попала на крючок Иравару.

Мауи сдержал гнев. Они повернули каноэ назад, и у самого берега Мауи сказал, чтобы Иравару спрыгнул и вытащил каноэ. Когда тот наклонился и взвалил на спину балансирующую балку каноэ, Мауи бросил свое весло и прыгнул на тяжелую балку. Иравару упал ничком на береговые камни, а Мауи топтал его ногами до тех пор, пока кожа Иравару не покрылась шерстью. Руки и ноги у Иравару стали короче, вырос хвост, и голова изменила свою форму. На том месте, где только что упал Иравару, встала на четыре лапы мохнатая маорийская собака — самая первая из всех собак.

Жена Иравару встретила Мауи, когда тот шел с моря.

— Где Иравару? — спросила она.

— Он остался у каноэ,— смеясь, сказал Мауи, но глаза его не смеялись.— Иди туда и помоги ему, сестра моей жены. А если не найдешь его, крикни: мо-ай, мо-ай, мо-ай — и он отзовется.

Женщина побежала к берегу моря, но мужа там не было. Она стала звать его, но он не откликался. Тогда она вспомнила совет Мауи и громко закричала:

— Мо-ай, мо-ай!

Тотчас же в кустарнике послышался шорох, оттуда выскочило странное животное и запрыгало возле нее. Увидев его, Хинаури, жена Иравару, поверну-

лась и молча пошла назад в деревню — она поняла, что Мауи отомстил ее мужу, и сердце ее исполнилось печали.

Мауи совсем состарился. Его сыновья-звезды светили в ночном небе. Медленно плывущее по небу солнце напоминало Мауи о былых подвигах. Он жил на острове, который вытянул со дна океана. Его вечерняя еда готовилась на огне, украденном у Мауики.

Народ помнил деяния Мауи. Несмотря на его крутой нрав, люди не забыли, сколь многим они обязаны его пытливому уму, и ждали от него еще более чудесных подвигов. И действительно, Мауи, хоть он и стал уже глубоким стариком, задумал свершить свой величайший подвиг. Он решил победить ужасную богиню смерти Хине-нуи-те-По.

Издали увидел он ее. Глаза у Хине-нуи-те-По сверкали, зубы тускло светились в темноте, длинные космы волос окутывали ее, словно морские водоросли, а голос ее грохотал, подобно грому.

Мауи позвал своих друзей птиц, и они отовсюду слетелись к нему. С моря, с болот и берегов рек прилетели птицы, чтобы выполнить его просьбу. Когда ему понадобилась вода, Пукеко* мигом слетала за ней к болоту. Мауи остался доволен. Он поймал Пукеко и вытянул ее ноги так, что они стали длиннее и тонкими, и теперь она может легко шагать по мелким болотистым топям. Вместе со своими друзьями птицами Мауи приблизился к богине.

Хине спала, широко раскрыв рот. Мауи сбросил плащ.

— Вот что, — сказал Мауи птицам. — Никто из вас не должен смеяться, пока я буду пролезать в ее рот, даже если это покажется вам забавным. Когда я снова вылезу обратно, вы сможете веселиться и петь сколько захотите, ибо я убью богиню, и люди и птицы никогда не будут умирать.

* Новозеландская болотная курочка.

Наступила тишина. Сначала Мауи просунул в пасть Хине голову. Словно остроконечные утесы, нависли над ним ее зубы; испуганные птицы не издавали ни единого звука. Мауи пролезал все глубже и глубже в глотку Хине, и вот снаружи остались только его татуированные ноги — они дергались и качались. Это было очень смешное зрелище.

Веселая маленькая водяная трясогузка смотрела, смотрела на эти ноги и вдруг не выдержала и звонко расхохоталась. Хине проснулась. Из красных глаз старухи сверкнули молнии, а зубы со страшным скрежетом сомкнулись...

И все это случилось только из-за смешка маленькой трясогузки, которая никогда не смеется с тех пор. Только это и было пропущено в заклинаниях отца Мауи, а ведь не засмейся трясогузка, и Мауи победил бы смерть.

Целый день и целую ночь молчали в горе птицы, вспоминая своего друга Мауи. Но потом они его забыли, потому что жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее в сожалениях и скорби, а смерть в конце жизни подобна сну, что приходит к уставшим людям.

звилистая тропинка вела к лесному озеру. Уенуку шел по ней и глядел на столб тумана, поднимающийся над озером. Часто он замечал, как туман стелется над водой, но никогда не видел, чтобы он стоял, подобно стволу высокого дерева. Удивленный, Уенуку ускорил шаги. У опушки леса на берегу озера он остановился. В спокойных водах купались две девушки. Даже сквозь пелену тумана, который обволакивал их, словно облако, Уенуку видел, как они прекрасны. Дальше над озером воздух был совершенно прозрачен, но там, где нависло облако, все серебрилось. Это Хине-пукоху-ранги — Девушка Туман и ее сестра Хине-ваи — Девушка Дождь — сошли с неба, чтобы выкупаться в чистых водах озера.

Уенуку охватило странное чувство: будто какая-то сила влекла его к купающимся. Они смотрели на него ясными глазами — не испуганные и не удивленные.

У самой воды Уенуку преклонил колени и сказал Девушке Туман:

— Я Уенуку. Скажи, как зовут тебя?

— Я Хине-пукоху-ранги, дочь неба. Я Девушка Туман.

Юноша протянул к ней руки.

— Приди ко мне и живи со мной в этом мире дневного света,— сказал он.— Никогда я не видел женщины прекраснее тебя. Я сильный и буду о тебе заботиться.

— Но я не могу покинуть свой дом,— ответила Девушка Туман.— Вот и сейчас сестра ждет меня. Нам уже пора возвращаться.

— Ты полюбишь этот мир,— умолял Уенуку,— тут не так холодно и пусто, как у вас наверху. У нас есть огонь и тепло, летом солнце сияет сквозь листву деревьев, а зимой пылает огонь в очаге. Здесь поют птицы, а мужчины и женщины радуются и смеются. Пойдем со мной, Девушка Туман.

Она шагнула к нему и тут же отступила назад.

— Ты будешь несчастлив со мной,— проговорила она.

— Я буду любить тебя вечно,— твердо сказал Уенуку.

— Нет, ты не понимаешь. Я пришла из верхнего мира и, хотя могу проводить с тобою ночи, но каждый раз, как только небо посветлеет, мне придется возвращаться домой на небеса.

Уенуку был упорен.

— И все-таки я хочу тебя,— сказал он,— даже если я буду одинок днем. Прошу тебя, приходи и живи со мной.

Девушка Туман улыбнулась.

— Я приду к тебе.

Никто не видел, как Уенуку и его невеста проскользнули в фаре, где в притаившейся темноте пылал жаркий огонь очага. Никто не слышал, какие слова любви говорил Уенуку, обнимая свою невесту. А утром, прежде чем солнце поднялось над холмами, Девушка Туман вернулась к сестре. Они смешались,

словно два облака, и плавно поднялись вверх, прежде чем их пронизали солнечные лучи.

Каждое утро Девушка Туман покидала своего супруга и каждый вечер, лишь только тени ложились на деревенскую площадь, приходила к нему. Летние дни становились все длиннее, и женщины в деревне начали подшучивать над Уенуку.

— Ты говоришь, что у тебя в хижине есть жена,— смеялись они,— где же твоя жена, Уенуку? Какая это жена, если никто ее не видит? Может, она просто деревянный чурбан или связка льна? Покажи нам ее, и тогда мы поверим, что она прекрасна.

Летом солнце садится поздно, а поднимается рано. В долгие дневные часы Уенуку тосковал по смеху Девушки Туман, он жаждал услышать ее звонкое пение и увидеть, как она в кругу других женщин танцует танец пой.

Наконец Уенуку почувствовал, что не может больше отпускать жену, и как-то вечером закрыл окна своего дома матами и законопатил все щели. Потом он затворил дверь, и в хижине стало темно, как в безлунную ночь, когда небо покрыто тучами.

Придя в хижину Уенуку, Девушка Туман ничего не заподозрила. Но вот часы темноты прошли, и с первым проблеском света на восточном небе Девушка Дождь стала звать сестру.

— Пойдем, Хине, нам пора подниматься с земли.

— Иду,— ответила Девушка Туман и начала ощупью в темноте искать свой плащ.

— Что ты поднялась? — спросил Уенуку.

— Мне пора.

— Ерунда,— отозвался Уенуку, словно в полусне,— не мешай мне спать. Погляди-ка, ведь еще совсем темно.

— Но утро вот-вот наступит. Сестра меня звала.

— Хине-ваи ошибается. Это светит луна, а может быть, звезды. Рассвет еще не скоро. Спи!

Девушка Туман легла.

— Видно, сестра и вправду ошиблась,— сказала девушка.— Хотя странно, раньше она никогда не ошибалась.

А Девушка Дождь все звала и звала сестру, голос ее уже заглушался щебетом проснувшихся птиц, но Уенуку продолжал твердить, что Хине-вай ошибается.

Девушка Дождь не могла больше ждать, ее голос становился все слабее и слабее — она поднималась с земли.

— Мне кажется, что-то неладно, — сказала Девушка Туман, окончательно сбросив сон. — Слушай! Птицы поют в лесу.

Они прислушались. Хине-вай уже не звала сестру, громко пели птицы, и с деревенской площади доносились голоса людей. Девушка Туман, даже забыв накинуть плащ, бросилась к двери, отворила ее, и в хижину ворвался яркий дневной свет.

Как только она появилась на пороге, люди затаили дыхание от восхищения — так стройна и прекрасна была Девушка Туман; никто никогда не видел женщины красивее. Неземной красотой сияла она.

Уенуку вышел следом за женой, он улыбался: ведь теперь каждый будет ему завидовать. Но только он переступил порог, Девушка Туман вспрыгнула на крышу дома. Длинные волосы закрывали ее тело.

Она запела, и все люди затихли. Это была печальная песнь; страдание было в ней, и страстное томление, и любовь к Уенуку. И тут произошло чудо: с чистого неба спустилось крошечное облако. Оно обвилось вокруг девушки, и вот ее уже не стало видно. Только слышался ее голос. Потом песня оборвалась, и наступила тишина. Облачко уплыло с крыши. Все выше и выше поднималось оно, казалось, будто оно тает в ярком солнечном свете.

Сердце Уенуку было разбито. Друзья жалели его, и от этого ему становилось еще тяжелее. Хижина Уенуку стала холодной и унылой. Ночь за ночью ждал он, что Девушка Туман придет к нему, но она так и не пришла.

И вот однажды он покинул свой дом и отправился на поиски. Много приключений было у него

на пути, он побывал в удивительных странах, но никто не мог сказать ему, что случилось с Девушкой Туман.

Шли годы, Уенуку постарел и согнулся, но все искал и искал Девушку Туман. Так и не найдя ее, тоскующий и одинокий, он умер в далекой стране, на чужбине.

Жестоко поплатился Уенуку за свое легкомыслие и тщеславие, но боги верхнего мира пожалели его. Они подняли Уенуку с земли, превратили в многоцветную радугу и поставили на небе. Там люди могут его иногда видеть.

Когда солнце освещает холмы и согревает влажную землю, Девушка Туман подымается ввысь, и тогда Уенуку — сияющая радуга — любовно охватывает свою жену сверкающей цветной повязкой.

тец Тухурухуру, высокорожденный Тинирау, все подготовил для посвящения сына. Это было еще до того, как Хинаури взяла Тухурухуру на небо. Для торжественных церемоний пригласили знаменитого жреца Кае из далекой деревни.

После ритуальных обрядов и заклинаний, которые со временем должны были превратить Тухурухуру в храброго и бесстрашного воина, Тинирау и Кае отправились на берег моря. Дойдя до прибрежных скал, Тинирау остановился и громко крикнул:

— Тутунуи!

Кае посмотрел по сторонам: на берегу никого не было, а следы, что виднелись на песке, оставили их собственные ноги. Тогда Кае стал вглядываться в лесную чащу, но и там никого не обнаружил. Он повернулся к морю, надеясь увидеть каноэ рыбака, но все каноэ были вытащены на берег.

И вдруг Кае заметил огромную бесформенную глыбу, поднимающуюся из воды. Это был кит. С его

спины хлынули водопады, две струи горячего пара поднимались ввысь, и легкий ветерок медленно развеивал пар по воздуху. Никогда Кае не приходилось видеть живого кита так близко. И вдруг, к его удивлению, кит подплыл еще ближе, к самой скале, на которой стояли он и Тинирау.

Вождь вырезал кусок мяса из бока чудовища. Кит скосил на него свои крошечные глаза, вздохнул и соскользнул назад, в глубокую воду.

Кае не верил собственным глазам. Тинирау заметил его недоумение и засмеялся.

— Разве ты никогда не слышал про моего любимца, ручного кита? — спросил он. — Это Тутунуи, мой большой друг. Он возит меня по морю быстрее, чем любое каноэ. Тутунуи очень любит меня.

— Но для чего ты отрезал у него кусок мяса?

— Это ты поймешь, когда мы снимем мясо кита с очага и ты вонзишь в него свои зубы.

В ту ночь Кае долго ворочался на циновке в доме для гостей. Он слишком поусердствовал, угощаясь китовым мясом, и теперь никак не мог уснуть. Всю ночь он обдумывал, как бы ему заполучить кита Тинирау.

Когда Кае пришло время возвратиться в свою деревню, Тинирау приготовил для него каноэ, но Кае не спешил столкнуть его на воду.

— Тинирау, — сказал он, — доволен ли ты магическими заклинаниями, которые я произнес над твоим сыном?

— Конечно, доволен, — ответил Тинирау.

— И ты признаешь, что они превратят Тухурухуру в великого воина?

— Да, в этом я уверен, друг.

— Но, может быть, жрец из твоего племени произнес бы заклинания не хуже меня?

— Нет, нет, — поспешил возразить Тинирау. Он не хотел обидеть Кае. — Это мог сделать только могущественный Кае, пользующийся благосклонностью богов.

— Тогда я хотел бы кое о чем попросить тебя.

— Говори.

— Позови Тутунуи, и пусть он отвезет меня домой.

Тинирау обеспокоила просьба Кае.

— Но тебе будет гораздо удобнее в каноэ,— сказал он,— лодка более подходит для великого жреца. Да ты ведь и не умеешь ездить на ките.

Кае нахмурился.

— Неужели ты думаешь, что я так уж слаб и беспомощен? — спросил он.— Может, ты считаешь, что я не справлюсь с твоим китом? Берегись, Тинирау!

Вождь знал, как опасно сердить жреца. Он поспешил помириться.

— Да я просто пошутил,— сказал Тинирау.— Кит отвезет тебя в твою деревню. Но запомни, Кае, когда вы будете подплывать к берегу, Тутунуи начнет отряхиваться— это значит, что дальше плыть ему опасно. Едва он подаст такой сигнал, ты должен сразу прыгать с его правого бока и плыть к берегу.

— Знаю, знаю! — нетерпеливо прервал вождя Кае.

Тинирау отправился на берег моря и приложил ладони ко рту.

— Тутунуи! — крикнул он.

Кит тотчас же подплыл к берегу.

Кае вскарабкался на его спину, и удивительное путешествие началось. Продолжалось оно недолго, потому что Тутунуи плыл быстро.

Вот и деревня Кае показалась вдалеке. Кит встряхнулся, давая знать, что Кае уже следует прыгать с него, но тот не обратил внимания на сигнал. Тогда Тутунуи встряхнулся снова, но Кае, твердя заклинания, тяжело навалился на его спину. Еще немного, и Тутунуи вошел в мелкие места. Кае продолжал изо всех сил давить на кита, и тот стал зарываться в мягкий песок. Мелкие песчинки набились в его горло. Тутунуи в последний раз вздрогнул всем своим огромным телом и умер.

В эту ночь в деревне Кае состоялось большое празднество. Собрались все от мала до велика; вкусно пахло жареное мясо Тутунуи.

А на далеком Священном острове Тинирау тщетно дожидался своего любимца. Раньше стоило ему только крикнуть: «Тутунуи!» — и кит сразу же приплывал к нему. Но в эту ночь голос Тинирау лишь гулко разносился над водой и безответно терялся вдали. Вдруг вождь поднял голову, его ноздри раздулись, вдыхая слабый ночной ветерок. Из отдаленной деревни, где жил Кае и его люди, доносился аппетитный запах жаркого.

В тот час, когда луна проложила по морю серебряную дорожку, Тинирау обратился к своему народу.

— Кае украл моего кита, — сказал он. — Кто отправится со мной отомстить за нанесенную обиду?

Стремительно вскочили воины.

— Мы пойдем с тобой, Тинирау! — как один, крикнули они.

— Нет, — молвил нежный голос, — пойду я, Хине-те-Иваива.

Люди посмотрели на нее с удивлением.

— Да, пойду я и другие женщины нашего племени. У Кае очень много воинов. Пусть отправятся со мною только женщины. Мы доставим его сюда, не пролив ни капли крови, о Тинирау, и ты отомстишь за нанесенное оскорбление.

В той стороне, где жил Кае, слышался смех. Хине-те-Иваива и другие женщины из племени Тинирау были уже там. Развлекая жителей песнями и танцами, они переходили из одной деревни в другую. Кто они такие, никто не ведал. А вот и деревня Кае. Все мужчины и женщины его племени собрались, чтобы посмотреть на странниц.

Танцюя, Хине-те-Иваива и ее подруги пристально вглядывались в лица зрителей. Где-то в этом доме находится их враг Кае. Они узнают его, когда он засмеется, потому что у него неровные, поломанные зубы.

Смех зазвенел в доме, когда женщины начали играть в свои игры. Только один человек сидел с хмурым лицом и молчал, сжав губы.

Напоследок женщины разыграли самую забавную шутку. И тут рассмеялся даже хмурый мужчина. Когда он, откинув назад голову, открыл рот, все увидели его некрасивые поломанные зубы. Это и был Кае.

Поздней ночью потух очаг и в доме стало тихо. Тогда женщины запели магическую песнь, и крепкий сон охватил хозяев. Женщины пробрались к двери и, став друг против друга, образовали длинный ряд. Потом они осторожно обернули Кае в циновки, подняли его, отнесли к берегу моря и положили в каноэ. Пока женщины быстро гребли к Священному острову, Кае лежал, погруженный в магический сон. Еще не занялась на небе заря, а женщины опять подняли свою живую ношу, отнесли Кае в дом Тинирау и положили на циновки. Когда Кае проснулся, было уже совсем светло.

— Вот идет Тинирау! Идет сам Тинирау! — кричали собравшиеся вокруг фаре люди.

Тинирау шел к своему дому.

Туманы сна все еще висели над головой Кае. Он не знал, что произошло ночью, и воображал, что находится в собственном доме. Но вот Тинирау раскрыл дверь и крикнул:

— Привет тебе, о Кае!

— Ты зачем пришел в мой дом? — спросил Кае.

— Нет, не я пришел к тебе, — сказал Тинирау, — а ты, Кае, пришел ко мне.

— Что ты болтаешь? Это мой дом.

— Посмотри-ка вокруг себя, Кае.

Кае огляделся. Это был чужой дом. И украшения на стенах были совсем не те, что у него. И резьба на столбах была иная. Кае заглянул в дверь через плечо Тинирау и увидел враждебные, хмурые лица незнакомцев.

Тогда он все понял и склонил голову.

Смерть кита Тутунуи была отомщена.

ДЕРЕВЯННАЯ ГОЛОВА

еперь послушайте сказание о волшебной деревянной голове Заколдованной Горы.

Могущественный маг Пуарата был хозяином деревянной головы, пялившей свои невидящие глаза на море. В деревянной голове обитали злые духи, подвластные магу. Все вокруг боялись этой страшной горы, и стоило кому-нибудь упомянуть о ней, как сейчас же воцарялась тишина. Приблизиться к Заколдованной Горе — значило погибнуть. Казалось, маг Пуарата издали чувствует незнакомца, ступившего в его владения. Пуарата начинал что-то шептать деревянной голове, и тотчас раздавался ужасающий вопль злого идола. Он пронесился над лесами и равнинами и губил все живое.

Шли годы. В этом краю стало совсем тихо и пусто — в лесу не пели птицы, и дерзкий путник, рискнувший подойти поближе к горе, видел белеющие кости тех, кого погубил страшный вопль идола.

Молва об ужасном чудовище достигла ушей всемогущего жреца Хакава, чья душа ненавидела зло.

Когда ему не спалось по ночам и он слышал крик козодоя, ему вспоминался зловеющий вопль, доносив-

шийся из владений Пуараты. Чудилось тогда Хакавау, что наступит день и он сразится со злыми силами.

Однажды ночью он призвал духов и погрузился в волшебный сон. Ему пригрезился его собственный дух — он стоял перед жрецом. Потом Хакавау увидел, как дух начал расти и подниматься все выше и выше, до самых облаков. Когда Хакавау проснулся, он почувствовал себя сильным и уверенным. Теперь он твердо знал, что одолеет деревянную голову Пуараты.

Хакавау больше не медлил. Взяв с собой друга, он отправился к Заколдованной Горе. Быстро шли они по стране, останавливаясь только для того, чтобы подкрепиться пищей, которую захватили с собой. Когда кто-нибудь по пути предлагал им угощение, Хакавау говорил: «Мы уже поели. К тому же у нас неотложное дело и мы должны торопиться». Вскоре они прибыли в Ваитара. До владений Пуараты было еще далеко, но спутник Хакавау забеспокоился: ведь даже на таком расстоянии деревянная голова могла убить человека.

— Не тревожься,— сказал Хакавау и запел песню, чтобы ободрить своего приятеля.

Потом они пришли в Те Вета.

— Я боюсь,— сказал друг Хакавау,— я слышу, как стучит мое сердце. Посмотри, среди деревьев белеют кости.

— Не пришло еще время пугаться,— презрительно ответил Хакавау.

Но когда они дошли до Ваиматуку, Хакавау тоже насторожился: теперь кости покрывали землю, словно снег.

Жрец повторил заклинания, и друзья двинулись дальше, с опаской делая каждый шаг, ибо никто не мог сказать, где поджидает их смерть. Медленно шли они тропинкой, выющейся по отлогому склону холма. Поднявшись на холм, они легли в зарослях папоротника и стали наблюдать. Прямо перед ними, на вершине Заколдованной Горы, раскинулась деревня. Друзья видели людей за частоколом и дозорных, хо-

дивших взад и вперед, но в деревне никто не заметил двух пришельцев, спрятавшихся на соседнем холме.

В папоротнике, что рос в долине и поднимался по горе до самой деревни, костей не было заметно. Наверное, никто еще не подходил к Заколдованной Горе так близко.

— Теперь я уже не боюсь,— сказал товарищ Хакавау.— Я вижу, что они такие же люди, как и мы. С ними можно сразиться.

— Но именно сейчас нам следует соблюдать осторожность,— предостерег его Хакавау.— Злые духи Пуараты роями носятся вокруг нас, хоть мы их и не видим. Я должен вызвать моих собственных духов. Смотри не спугни их, не вздумай заговорить.

И Хакавау, к удивлению своего друга, уставился вдаль невидящими глазами. За деревенским частоколом по-прежнему ходили люди, в спокойном воздухе вились дымки от костров, на которых готовилась пища, и дозорные стояли на своих местах. Но перед взором Хакавау вставала другая картина: он видел, как злые духи Пуараты толпами собираются за частоколом. А его собственные духи, его храбрые воины, окружили Хакавау. С уст жреца сорвалось приглушенное бормотание, словно он давал кому-то команду.

— Спуститесь в долину и вызовите врага на бой,— сказал Хакавау своим духам.

Духи Хакавау волной скатились вниз и начали подниматься вверх по горе к деревне. Но вскоре атакующие были отбиты и отеснены. Сначала лишь немногие побежали под гору, потом за ними последовали другие, и началось общее отступление. Злые духи Пуараты прыгали, безмолвно торжествуя победу. Они не могли спокойно смотреть, как удирает от них разбитый враг, и не погнаться за ним, и вот они перелезли через частокол и устремились вниз, в долину. В деревне не осталось ни одного защитника.

А в зарослях папоротника прятался отряд духов Хакавау, духи Пуараты не заметили его и промчались мимо. Потом, обернувшись, они увидели, что один из

отрядов Хакавау уже подходит к их деревне. Воины Пуараты снова бросились вверх по горе, но в спину им ударил отряд духов Хакавау, который прятался в зарослях, и духи Пуараты были побеждены. Только немногие из них добрались до деревни, но и там их уже подстерегали духи Хакавау. Так духи Хакавау перехитрили духов Пуараты.

— А-а! — радостно воскликнул жрец. — Все кончено. Они побеждены!

Друг Хакавау удивленно взглянул на него.

— Почему ты говоришь, что они побеждены? — спросил он. — Ведь ничего не произошло. Дозорные нас не заметили. Все как было, так и есть.

— Пуарата пуст, — отвечал Хакавау, — Пуарата — это покинутое каное. Не так давно он был полон злых духов и посылал их выполнять свою волю. И вот сейчас они тоже отправились по его приказанию, но все были уничтожены. Пуарата теперь бессилен. Пешли вперед!

Хакавау и его друг встали во весь рост, и тотчас же стража подняла тревогу. Все были поражены: кто мог осмелиться так близко подойти к их деревне? Дозорные ожидали, что пришельцы вот-вот упадут замертво, но Хакавау и его товарищ продолжали продвигаться вперед.

— Пуарата! — закричала стража. — Пуарата, сюда идут чужие!

А сами, словно немощные старухи, не чувствовали в себе никакой воинственности: духи Пуараты покинули их.

Пуарата понял, что он бессилен, но все-таки он устремился к деревянной голове и закричал:

— Приближаются чужестранцы! Два могучих воина!

Но и деревянная голова утратила свою силу. Вместо вопля, который обычно срывался с ее губ и приводил в ужас путников, слышались лишь слабые всхлипывания, будто плакал ребенок.

Когда храбрые воины приблизились к деревне, жрец сказал своему товарищу:

— Иди прямо по дорожке и войди в деревню через ворота. А я нагоню на них страху — перелезу через забор.

И когда Хакавау взобрался на деревянные колья ограды, жители деревни сердито закричали:

— Эй ты, слезай и иди через ворота, как прошел твой товарищ.

Но Хакавау не обратил внимания на их крики. Он спрыгнул по ту сторону ограды и ступил на запретную землю. Волшебная голова безмолвствовала. Она утратила свое могущество, стала обыкновенным деревянным чурбаном.

Пуарата, насупив брови, наблюдал за пришедшими, но не осмеливался ничего сказать. Вскоре Хакавау и его товарищ зашли в одну из хижин и улеглись отдыхать, показывая этим свое презрение к колдуну Заколдованной Горы и его деревянной голове.

Жители Заколдованной Горы не смели тронуть чужестранцев — они поняли, что встретились с волшебством, которое сильнее, чем их собственное.

Теперь Пуараты нигде не было видно, но Хакавау и его товарищ слышали, как он созывал своих людей. Хакавау только хмуро улыбнулся.

Отдохнув, он поднялся и позвал своего друга. В это время к их хижине подошли жители деревни. Они предложили победителям подкрепиться перед дорогой. Дразнящий аромат доносился из льняных корзинок, полных еды.

— Мы недавно поели, — отвечал Хакавау. — Мы не голодны.

Но те настойчиво предлагали еду, улыбались и делали вид, что заботятся о пришельцах.

— Вы не должны слушать Пуарату, — строго сказал им Хакавау, — он был полон злых духов и заставлял вас творить страшные дела. Мы пришли лишь для того, чтобы вопль деревянной головы больше не разрушал разум людей, не убивал их. Я искоренил зло, опустошив Пуарату, но сейчас я вижу, что его злые духи возвращаются. Если бы мы попробовали

эту пищу, нас бы уже не было в живых. Что ж, теперь придется умереть вам.

Он распахнул дверь хижины, и они ушли из деревни.

Путники не оборачивались, пока не пересекли долину и не достигли гребня холма, где они лежали во время битвы духов.

В селении все замерло, только вились дымки над очагами. Деревянная голова молчала, а Пуарата и его коварный народ были мертвы. С того дня люди проходят мимо Заколдованной Горы без всякого страха, они уже не боятся, что с деревянных уст сорвется губительный вопль.

Посреди гладкого озера Роторуа, словно драгоценный камень, красуется остров Мокоиа. На этом острове жил Тутанекаи вместе со своей матерью, отчимом и сводными братьями. Отрезанные от племен, живших на материке и беспрестанно воевавших друг с другом, они мирно коротали свой век. Время от времени мужчины спускали на воду каноэ и отправлялись на большую землю. Разные новости привозили они оттуда. Однажды Тутанекаи и его братьям рассказали о прекрасной Хинемоа, высокорожденной девушке из Оуаты. Все, кто говорил о ней, превозносили ее красоту и твердость характера. Эти похвалы так подействовали на братьев, что они, даже не видев Хинемоа, влюбились в нее. Каждый брат хвастался, что возьмет ее себе в жены, только Тутанекаи не говорил ни слова. Но по ночам он выходил из своего фаре, стоящего на склоне холма, и взор его устремлялся вдаль, туда, где лежала за темными водами озера Оуата. Он вздыхал,

приносил гитару * и пел на ней свою любовную песню.

Легкие звуки летели над водой, и Хинемоа, которая сидела в лунные ночи со своими подружками на берегу, радостно внимала песне. Над прибрежными кустами тревожно плыл туман и таял в воздухе — так же беспокойно летели и мысли Хинемоа. Она знала о братьях с острова Мокоиа и, улыбаясь, говорила себе: «Это играет Тутанекаи».

Однажды на большой земле собрались все местные племена. Пришла со своей родней и Хинемоа. Девушке очень хотелось увидеть Тутанекаи... И вдруг словно кто-то шепнул ей, что высокий красивый юноша и есть тот музыкант, который играет в лунные ночи.

Тутанекаи до сего времени редко случалось видеть девушек, а тут было столько красавиц! Но из всех девушек, собравшихся на берегу Роторуа, его привлекала одна только Хинемоа. Так они влюбились друг в друга, но не сказали о своей любви. Хинемоа была из семьи вождя, и полюбивший ее Тутанекаи боялся получить отказ.

Каждый раз, когда племена собирались вместе, Тутанекаи подходил к Хинемоа и ласково с ней разговаривал. Наконец Тутанекаи решил поведать девушке о своей любви. Это должен был сделать его друг. Когда тот рассказал девушке о любви Тутанекаи, Хинемоа только спросила:

— Неужели он любит меня так же, как я его?

В следующий раз влюбленные встретились возле большого фаре, в котором собрались племена. Никто не заметил их отсутствия, так как фаре было полно народу. Шум и смех танцующих разносились далеко вокруг; они сели в сторонке, в темноте, и Тутанекаи вымолвил Хинемоа слова любви.

— Как же мы будем видеться? — спросил он.

— Возлюбленный мой Тутанекаи, я приду к тебе, — нежно ответила Хинемоа. — Я уйду незаметно, и никто об этом не догадается, а ты встречай меня на берегу. Но как мне узнать, что ты дожидаясь меня?

* Музыкальный инструмент, напоминающий флейту

Тутанекаи задумался, потом сказал:

— Музыка уже сослужила мне службу — переслала мою любовь через воды озера. Пусть же теперь она отнесет другую весть, весть о том, что я жду тебя. Лишь только заслышишь музыку в ночной тиши, знай, что я жду, когда твое каноэ заскользит по темной глади озера.

На следующую ночь Хинемоа услышала звуки далекой путары и прокралась к берегу озера, где находились привязанные каноэ. Все они были там, но, увы, кто-то вытащил их на песок. На воде не было ни одного каноэ. Теперь Хинемоа ясно слышала музыку, доносившуюся оттуда, где спал на спокойном озере остров Мокоиа.

— Хинемоа! Хинемоа! — звала путара. — Хинемоа!

Тяжесть легла на сердце девушки — ей так хотелось быть рядом с возлюбленным. Но, видно, ее родные заметили, как смотрел на нее Тутанекаи во время праздника, или кто-нибудь услышал их шепот в темноте, — ведь никогда еще не случалось, чтобы все до единого каноэ были вытянуты на берег.

На следующую ночь она снова пошла к берегу, и опять все каноэ лежали уже сухие на песке. Теперь Хинемоа была уверена, что кто-то нарочно вытаскивает их вечером из воды.

Каждую ночь звала ее музыка Тутанекаи. Луна стала полной и пошла на ущерб. Все сильнее охватывала Хинемоа любовь, она уже не спала по ночам, и отдаленные звуки путары казались ей раскатами грома. Даже крепко зажмурившись, она видела Тутанекаи — вот он стоит возле своего дома и играет на длинной путаре. Она видела, как потом, положив путару, он устремлял взор на озеро, отыскивая в ночном мраке темный силуэт ее каноэ.

Наступили безлунные ночи. Хинемоа не могла больше ждать. Ряды вытянутых на берег каноэ словно насмеялись над ней каждую ночь, но теперь девушка даже не глядела на них. Она приготовила шесть длинных высушенных тыкв и связала их вместе льняной веревкой — тыквы будут поддерживать ее на воде. И вот однажды ночью Хинемоа направилась к малень-

кой бухте озера. В это время снова зазвучала музыка Тутанекаи — и Хинемоа решилась. Она скинула единственную свою одежду — плащ, сотканный из тончайшего льна, привязала к себе тыквы, ступила в воду и шла до тех пор, пока волны не подняли ее. Потом она храбро поплыла вперед. Ей казалось, что она птица, вырвавшаяся из клетки на волю.

Но вот то ли плеск воды заглушил звуки путары, то ли ветерок уносил музыку в сторону, но Хинемоа уже не слышала песню Тутанекаи, и ей стало страшно. Плотной стеной навалилась на Хинемоа темнота. Девушка попыталась приподняться над водой, поглядеть, далеко ли еще до острова, но со всех сторон была темень. Теперь Хинемоа не знала, куда плывет, не знала, где остров, а где ее родной берег. Тыквы вдруг сразу намокли и потяжелели, мелкие волны нещадно хлестали девушке в лицо, руки у нее онемели, а вода стала совсем холодной.

Крик ужаса вырвался у девушки, когда что-то твердое коснулось ее лица. Но тут же со вздохом облегчения она ухватилась за этот предмет. Это плыло дерево. Держась за него, Хинемоа немного приподнялась над волнами, и в этот момент ветер снова принес к ней звуки путары. Тогда Хинемоа оттолкнулась от бревна и спокойно поплыла в ту сторону, откуда доносилась песня. Темнота расступилась, и теперь в слабом свете звезд она могла разглядеть темную глыбу острова. Время от времени она отдыхала, страха уже больше не было. Случалось, что течение увлекало ее в сторону от острова, но тогда Хинемоа начинала плыть еще быстрее, и волны легко поднимали ее, словно хотели помочь. Но как еще долго плыть, а вода все холоднее и холоднее! Музыка вдруг смолкла, только тихо плескались волны в ночной тиши.

Хинемоа прислушалась. Сначала она ничего не могла понять, но скоро различила легкий шум — какие-то глухие удары и шорох, словно волны налетали на берег и сбегали по песчаной отмели. Снова шумршание уходящей волны — она тянет за собой

мириады песчинок, и вот уже Хинемоа почувствовала под ногами твердое дно.

Озябшая, спотыкаясь, побрела она по отмели. От ледящего ветра ее тело окоченело еще больше, чем от воды. Хинемоа шла, вытянув вперед руки, пока не наткнулась на какие-то утесы. Они были теплыми, а в воздухе разносился запах сернистых испарений — видно, рядом бил горячий источник. Как-то однажды девушке пришлось побывать на острове, и сейчас она поняла, где находится. Это было горячее озеро, как раз под фаре Тутанекаи.

Обрадованная Хинемоа погрузилась в воду. Тепло ласково обволокло ее онемевшее тело.

Теперь, когда девушка достигла дома Тутанекаи и все опасности остались позади, она застыдилась. Ей не хотелось появиться перед возлюбленным без одежды — ведь плащ ее остался на далеком берегу Оуаты.

Вдруг послышались шаги: кто-то спускался по тропинке к озеру. Хинемоа быстро выскочила из воды и спряталась под нависшим утесом.

Но вот шаги стихли, раздался всплеск, и девушка услышала, как булькает вода, наполняя калеш.

— Куда ты несешь воду и кто ты? — низким мужским голосом спросила Хинемоа.

Услышав голос из темноты, человек с калешем испуганно попятился.

— Я раб Тутанекаи и несу воду для него.

Сердце Хинемоа готово было выпрыгнуть из груди.

— Дай мне калеш, — по-прежнему стараясь говорить мужским голосом, властно потребовала она.

Раб без возражений отдал ей калеш. Девушка поднесла к губам, выпила воду, а потом высоко подняла пустой сосуд и с такой силой швырнула его через водоем, что он ударился о скалу напротив и разбился.

— Зачем ты это сделал? Ведь это калеш Тутанекаи, — вскричал испуганный и разгневанный раб.

Хинемоа не ответила и только еще дальше отодвинулась в тень под уступ. Раб пристально вглядывался

в темноту, но ничего не мог увидеть, и тогда он в страхе закричал:

— Кто ты такой?

Ответа не было. Раб повернулся и бросился бежать к фаре.

— В чем дело? — спросил Тутанекаи, увидев побледневшее лицо раба. — Что случилось? Где вода? Ведь я приказал принести воды.

— Калешаш разбился.

— Кто его разбил?

— Мужчина в водоеме.

Тутанекаи внимательно посмотрел на раба.

— Говори толком, кто разбил калешаш?

— Мужчина в водоеме, — упорно твердил раб.

Тутанекаи хотел было спуститься к водоему и посмотреть, в чем дело, но передумал. Ночь за ночью играл он на путаре, но, видно, Хинемоа забыла его. Ничто теперь не интересовало Тутанекаи. Он отвернулся и устало проговорил:

— Ах, возьми другой калешаш и сходи еще раз.

Раб во второй раз пошел за водой. Он с опаской поглядывал по сторонам, но чужеземца, казалось, и след простыл. Однако не успел он погрузить калешаш в водоем, как его снова окликнул грубый голос:

— Если эта вода для Тутанекаи, отдай ее мне.

У раба от страха задрожали ноги, и он протянул калешаш в темноту. Показалась чья-то рука, и снова калешаш полетел в скалу и разбился.

На этот раз раб не вымолвил ни слова. Со всех ног бросился он бежать вверх по извилистой тропинке.

— Человек у водоема разбил второй калешаш, — еле выговорил он.

Тутанекаи закрыл глаза.

— Ну так возьми третий калешаш, — безразлично сказал он.

Немного погодя раб снова предстал перед ним с пустыми руками. И тогда Тутанекаи разгневался. Забыв о своей тоске по Хинемоа, он схватил меру* и бросился вниз к водоему.

* Короткий, плоский нефритовый тесак.

Хинемоа услышала его шаги и поняла, что это идет ее возлюбленный. Ведь шаги раба были тяжелы и медленны, а Тутанекаи бежал легко и быстро. Она еще глубже забилась в свое убежище и затаила дыхание. Юноша остановился на берегу озера. Поднялась луна, и Хинемоа увидела, как на воду легла тень ее возлюбленного. А за скалой было по-прежнему темным-темно.

— Где ты там скрываешься, разбиватель калешей? — крикнул Тутанекаи. — Ну-ка выходи, чтобы я мог увидеть тебя. Выходи же, если ты настоящий мужчина. Что ты прячешься, словно рак в воде?

Но никто не ответил ему. Сквозь густые волосы разметавшиеся по лицу, Хинемоа видела, как по воде все ближе и ближе подвигается к ней тень. Вот Тутанекаи протянул руку и схватил девушку за волосы.

— А, — вскричал Тутанекаи. — Я нашел тебя! Ну-ка, иди сюда, негодяй! — Он еще крепче вцепился в волосы девушки. — Я хочу посмотреть, кто ты такой!

Хинемоа вышла из-за уступа скалы и предстала перед своим возлюбленным, застыдившаяся и прекрасная, словно серебристая цапля, которую можно увидеть только раз в сто лет.

— Я Хинемоа, — прошептала она.

Как исчезают летом облака, едва всходит солнце, так слетела суровость с лица Тутанекаи.

— Хинемоа!

В утреннем воздухе прямыми столбиками поднимались вверх дымки костров, на которых люди готовили пищу.

— Где Тутанекаи? — спросил кто-то.

Никто не мог ответить. Наконец вышел раб и сказал:

— Ночью он спустился к водоему, чтобы разделиться с чужестранцем, с тех пор я его не видел.

— С каким чужестранцем? — удивились родственники Тутанекаи, и раб рассказал им, как ночью какой-то человек разбивал калешей и как Тутанекаи сам справился на озеро, чтобы наказать незнакомца

Тогда один из стариков сказал:

— Все это очень странно! Может, что-нибудь случилось с Тутанекаи? Он храбрый воин, но ночью, когда тени скрывают врага, даже нахрабрейший может потерпеть поражение. Беги скорей к его фаре и посмотри, жив ли он.

Раб поспешил к жилищу Тутанекаи. Все глядели ему вслед. В наступившей тишине громко стукнула распахнувшаяся дверь. Раб заглянул в темное фаре и побежал обратно к деревенской площади.

— Там четыре ноги,— закричал он.— Я искал одного Тутанекаи, но вместо двух ног увидел четыре. Раздался приглушенный гул голосов.

— Кто с ним? — громко, чтобы все слышали, спросил старик.

Раб ничего не ответил и снова побежал к фаре Тутанекаи. Скоро он вернулся.

— Там Хинемоа! — взволнованно закричал он. Все обрадовались.

— Хинемоа здесь, Хинемоа с Тутанекаи! — восклицали люди.

Но братья Тутанекаи прониклись завистью. Каждый из них считал, что Хинемоа может избрать мужем только его.

— Это не Хинемоа,— сердито закричали они.— Ни одно каноэ не причаливало к берегу. Как же могла она попасть сюда ночью? Раб лжет!

Но вот из фаре вышел Тутанекаи, ведя за руку Хинемоа. Одетая в плащ мужа, она гордо шла рядом с ним. Злые выкрики братьев потонули в радостных приветственных возгласах:

— Это и вправду Хинемоа! Добро пожаловать, Хинемоа!

Вот история любви Хинемоа и ее дерзновенного путешествия по озеру к своему возлюбленному — сказание, которое будет передаваться из уст в уста, пока народ Аравы* будет жить у туманных вод озера Роторуа.

* Одно из маорийских племен.

КАХУКУРА И РЫБАКИ-ВОЛШЕБНИКИ

Кахукура был вождь. Он не был похож на своих соплеменников: кожа у него белела, как песок на морской отмели, волосы отливали медью и сверкали на солнце, а в выражении широко расставленных глаз было что-то неземное; казалось, они смотрели далеко-далеко, в неведомые края.

Когда тени на земле были еще коротки и молодежь работала на полях кумары, старейшины племени — умудренные жизнью воины — негромко рассуждали о своем вожде.

— Посмотрите на него, — сказал как-то старый воин Тохе. Длинный белый шрам рассекал завитки татуировки на его щеке. — Близится время, когда старики снова увидят дни своей молодости. Настанет день, и нам придется предпринять далекое путешествие в страну теней. Там нас ждут всякие чудеса. Но Кахукура еще юн. Что же ему чудится там, за океаном? Почему это скрыто от наших глаз?

Никто из старейшин не пошевелился, но их проницательные глаза устремились вдаль, туда, где за

высоким частоколом, огораживающим деревню, на отдаленной скале чернела на фоне неба одинокая фигура.

Кахукура грезил. Глаза его были открыты, он стоял, повернувшись к морю, к яростно бушующим волнам. На скалу налетел вал, и Кахукуру обдало брызгами, но он даже не пошевелился. Его дух витал далеко на севере, в чудесной стране гор и лесов, в стране, где вьются и кричат чайки над песчаными берегами рек, а души мертвых мерно шествуют к гигантскому дереву, ветви которого свисают над Вратами Смерти.

Часто посещало Кахукуру это видение: ему чудилось, будто кто-то ищет его в далекой северной стране, торопит в путь, зовет туда, где кончается земля и где вечно волнующийся океан ждет воинов Аотеароа*.

Вождь вздохнул и пошел прочь от моря. Когда он состарится, он проследует той тропой в сопровождении рабов... Нет, еще сейчас, пока он молод и полон сил, Кахукура отправится туда.

В деревне мужчины подготавливали удочки, подбирали костяные крючки. Не так легко накормить их большую деревню; каноэ уходят в море в любую погоду, чтобы обычную пищу — корни папоротника и кумару**, птиц и крыс — можно было разнообразить вкусными кусками рыбы.

Вечером молодые люди плясали, пели и играли в большом фаре, а старики и старухи глядели на них, вспоминая прежние дни, когда их тела были стройными и гибкими. Кахукура не принимал участия в танцах. Ничего не видя перед собой, сидел он в углу, и вдруг среди шума и смеха над его ухом прозвучал призыв: «Отправляйся на север, Кахукура. Иди один. Отправляйся в страну теней!»

Когда танцы закончились и все улеглось на свои циновки, Кахукура тихо поднялся и прошел между спящими людьми. Только Тохе не спал. Его зоркие

* Аотеароа — длинное белое облако; так маори называют Новую Зеландию.

** Сладкий картофель.

глаза заметили вождя, когда тот на минуту остановился в полосе лунного света и потом ушел. Тохе был мудр, и утром, когда люди его племени стали искать пропавшего вождя, он никому ничего не сказал. Тохе считал, что Кахукура знает, как надо поступать, а ему лучше не соваться не в свое дело.

День за днем Кахукура уходил все дальше на север. Когда усталость одолевала его, он останавливался и отдыхал под укрытием скал, на мшистых лесных полянках или в высокой траве. Трудно ему приходилось в пути: он дрожал от холода под проливным дождем, шагал под лучами палящего солнца — медленно двигалось оно по небу, сдерживаемое веревками, которыми опутал его Мауи. Иногда Марама-луна смотрела сверху на Кахукуру и улыбалась: к краю земли упорно двигалась крошечная фигурка.

Наконец Кахукура вышел на большую поляну. Под осенним ветром развевались длинные стебли льна. Некоторые растения были крепко связаны, и Кахукура понял, что здесь проходили души умерших. Ночью ему показалось, что он слышит их тихий плач, но все заглушал чей-то настойчивый шепот: «Вперед, в страну теней!»

И вот наступила ночь, когда он уже больше не слышал этого шепота. Вокруг стояла глубочайшая тишина, казалось, что шуршание волн по песку — это эхо, приносимое из мира теней. Кахукура закрыл глаза, но сон не приходил к нему. Вдруг он встрепенулся — с моря доносилась музыка. Она звучала все явственнее, и скоро Кахукура услышал шум весел, а затем смех и песни. Он поднялся и увидел пятна света на темной воде — это светились туреху, волшебный белокожий народ Аотеароа.

Каное скользили по воде, и вода разлеталась танцующими светлячками. Волшебники ловили рыбу.

Кахукура вспомнил, что накануне вечером он видел на отмели выловленную рыбу, но следов человеческой ноги, следов рыбака там не было. Так, значит, он попал в страну теней, в рыбацьи уголья волшебного люда.

Кахукура спустился к самой воде. Покровительни-

ца-ночь скрыла его. Волшебники подплыли теперь совсем близко к берегу, и Кахукура услышал, как они говорят: «Тяни сеть! Тяни сеть!» Кахукура не знал этого слова. Что такое сеть? Рыбу можно ловить на крючок или бить копьём. А это, видно, какое-то волшебное слово, и рыбу ловят здесь волшебством.

Каное приближались. Они шли к берегу большим полукругом, и от одного к другому протянулась веревка, а посередине сверкали в темноте ночи серебряные огоньки — это выпрыгивали из воды рыбы.

Но вот каное уткнулись в берег, и из них выскочили волшебники. Кахукура понял, что удивительные веревки — это и есть сеть. Вождь слышал, как рыба выскакивала из воды и шлепалась обратно. Волшебники тянули сеть за концы. Кахукура подошел поближе и затерялся среди них. Кожа у него была такая же светлая, как у рыбаков, и в темноте они не заметили, что им помогает смертный. Кахукура тоже ухватился за льняную веревку. Он чувствовал, как под руками скользят мокрые узлы.

Но вот последний рывок — и волшебный люд вместе с Кахукурой вытащил сеть на берег. В ней словно кипело серебро. Рыбы было полным-полно. Волшебники отпустили концы сети и стали хватать трепещущую рыбу и нанизывать ее на веревки. У каждого волшебника была такая веревка, и все они очень торопились, чтобы кончить работу до рассвета. Кахукура тоже стал нанизывать рыбу на веревку, но не завязал узла на конце, и, когда поднял свою веревку, вся рыба соскользнула на песок. Один волшебник увидел, что у него все рассыпалось, и, бросив свою связку, помог Кахукуре завязать узел. Когда волшебник отошел, Кахукура развязал узел, нанизал на веревку рыбу, потом поднял ее, и снова вся рыба соскочила. В этот раз на помощь ему пришел другой волшебник.

Снова и снова повторял Кахукура свою хитрую пределку, а волшебники ничего не подозревали. Кахукура все поглядывал на восточную часть неба — вдали над морем уже начало светать. Небо светлело все больше и больше, и вот уже стали видны кусты

на берегу и большая скала, будто страж возвышающаяся над морем.

Волшебники то и дело подбегали к своим каное и складывали там веревки с рыбой, однако у Кахукуры рыба по-прежнему соскальзывала на песок, и волшебники спешили к нему на помощь. Стало еще светлее. Волшебники забрали бы с собой всю рыбу, если бы Кахукура не задержал их.

Но вот края облаков засветились, и над океаном засиял яркий солнечный луч. Раздались возгласы ужаса — это кричали волшебники. Только теперь они заметили, что среди них человек. Они побежали к своим каное, но было уже поздно. Яркое, сияющее солнце залило своим светом весь океан. Золотом засверкал под его лучами песок. Волшебники бросились врассыпную и растаяли в воздухе, каное стали сморщиваться и уменьшаться, и вскоре на берегу осталось лишь несколько связок тростника и пучки льна. Не слышно было и голосов волшебников.

Кахукура один стоял на залитом солнцем берегу. Рыба исчезла, не исчезла только сеть: Кахукура держал в руках хитроумно сплетенные мокрые льняные веревки. Он вспомнил, как волшебники кричали друг другу: «Тяни сеть!»

Мудрый Тохе первым увидел возвращающегося вождя и приветствовал его.

— Добро пожаловать, вождь! — сказал он. — Ты ушел ночью, и по твоему лицу было видно, что ты знаешь важность своего похода, а вернулся днем, и весь твой вид говорит о том, что ты совершил дальнейшее путешествие и добыл сокровище.

Глаза Кахукуры сияли, на плечах он нес переплетенные льняные веревки. По зову вождя собралось все племя. Люди деревни поначалу испугались, они решили, что вождю изменил разум, так как в ответ на их приветствия Кахукура твердил одно: «Вот она сеть! Вот она сеть!»

Еще по дороге домой Кахукура научился вязать узлы, и теперь все в деревне стали плести сети. Раньше, бывало, одна рыбина дергалась на крючке или на острие копья, а теперь рыбу ловили в изобилии. Еды хватало для всех: и для вождей, и для воинов, и для их жен, сыновей и дочерей, и для рабов.

Вот какое сокровище добыл Кахукура у рыбаков-волшебников в давние времена.

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ О ЗВЕЗДАХ И ЛУНЕ

СЕМЬ ЗВЕЗДОЧЕК

ароды разных стран хорошо знают и любят семь ярко сияющих звездочек. Белые люди зовут их Плеядами. Древние греки считали их дочерьми Атланта и Плейоны. Аборигены Австралии говорят, что это семь сестер. Маори же показывают на эти звезды своим детям и объясняют им, что каждая из семи сияющих звездочек — левый глаз одного из семи великих вождей.

Жители островов на Южных морях радостно приветствуют появление Плеяд, и в тот день, когда они загораются на западном небосклоне — в первый день нового года, — люди устраивают пиршества с танцами и песнями.

Рассказывают об этих семи звездах одну легенду, и, хотя в ней повествуется о древних богах маори, родилась она не в их стране, а пришла с других островов великого океана Кивы.

В очень давние времена одна из звезд сияла на небе так ярко, что другие звезды не осмеливались даже приблизиться к ней, они боялись, что их красота померкнет в блестящих лучах соперницы. Словно вторая

луна, эта звезда затмевала своим сиянием все остальные звезды. Люди, звери и птицы любили ее и каждую ночь ждали, когда она своим мягким и нежным сиянием осветит землю.

Звезду эту полюбило и крошечное озеро, затерявшееся высоко в горах. Медленно тянулся жаркий день, пока наконец на западном небе не восходила звезда. Завидев красавицу, озерцо вздрагивало. Всю ночь напролет смотрелась звезда в озеро, словно в зеркальце.

Как-то маленькое озеро дремало в лучах утреннего солнца и вдруг услышало голос Тане. Вы, наверно, помните, что когда-то, давным-давно, Тане принес Светящихся в корзинке и рассыпал их по черной мантии Неба-отца. И вот теперь Тане начал сердиться на эту звезду за то, что она блестела ярче, чем его Светящиеся. В конце концов Тане решил уничтожить красавицу звезду.

Маленькое озерцо подслушало заговор Тане. Всю ночь оно глядело на звезду, страстно желая предупредить ее об опасности. Но вот заалела заря, взошло солнце, и тогда озерцо шепотом открыло свой секрет Небу-отцу. Ранги разгневался. Против Тане он был бессилен, зато он заставил солнце так жарко гореть над озером, что вода в нем начала превращаться в пар и легким облаком подниматься над землей. Ветер подхватил облако себе на спину и понес вверх, к звезде, которая с наступлением ночи снова засияла во всей своей красе. Превратившиеся в туман воды озера обволокли звезду, и сияние ее померкло.

Когда примчались Тане и его приспешники, звезда была уже предупреждена и обратилась в бегство. Она летела через все небеса. Целую ночь гонялся за ней Тане. Он медленно настигал звезду. Когда Светящиеся начали бледнеть с наступлением утра, звезда в отчаянии понеслась ввысь, чтобы скрыть свое сияние в лучах солнца. Но Тане протянул руку, сорвал одну из Светящихся с покрывала Ранги и швырнул ее в звезду. Раздался грохот, от которого небеса содрогнулись, и красавица звезда разлетелась на мелкие кусочки. Тане сгреб их в пригоршню и швырнул в сторону.

С тех пор маленькие осколки и остались там, куда их закинул Тане. Маори называют их Матарики, что значит «Маленькие глазки», и очень любят эти крошечные звездочки, что вечно мерцают в молчаливых небесах.

РОНА И ЛУНА

В сырой низине у горячего источника жил Рона со своей женой и тремя детьми. Супруги не были счастливы. Как-то после ссоры жена покинула Рону и ушла к своим родным в дюны, оставив детей мужу.

Как все мужчины, Рона не умел обращаться с детьми.

Однажды ночью дети стали плакать и просить воды. Рона забыл с вечера наполнить калебаши.

— Дай нам глоток воды, Рона! — просили дети. — Мы хотим пить!

Наконец отцу надоело слушать их вопли. Он встал с циновки, взял калебаши, но — безмозглый глупец! — забыл захватить головню, чтобы размахивать ею и освещать себе путь. Пробираясь к источнику, Рона споткнулся о выступавший из земли корень дерева и больно ушиб ногу. Сделал еще несколько шагов — и опять ушибся. Тогда он сел на землю и стал растирать ногу, чтобы хоть немного унять боль. Плач детей был слышен даже отсюда: «Дай хоть глоток воды, Рона!» Он взглянул вверх, на небо — там были звезды, но их слабое сияние не освещало тропу.

Нога болела, и Рону охватил гнев.

— Ах ты луна, вареная голова! — закричал он, а надо сказать, что по тем временам это было сильное ругательство. — Где ты болтаешься, луна, вареная голова? Оставила меня в темноте, и я все ноги разбил о пни да камни. Ты что мне не светишь, вареная голова?!

Он поднялся и пошел по дорожке. Но луна уже услышала его проклятия. Она сошла со своего места на небе и ринулась на землю. Рона и опомниться не успел, как луна схватила его.

Когда Рона почувствовал, что его ноги отрываются от земли, он взял оба калебаша в левую руку, а правой ухватился за толстую ветвь дерева. Но это не спасло Рону. Луна потащила его в небо, вырвав с корнями дерево, за которое он уцепился.

Дети продолжали громко плакать и просить воды, и даже на таком большом расстоянии отец слышал их плач. Томимые жаждой, они вышли из фаре и стали звать его:

— Где ты, Рона? Как долго ты ищешь воду!

Рона закричал им с луны:

— Я наверху, среди звезд, на луне. Здесь нет воды. Посмотрите, я над вами!

Дети подняли головы и уставились на луну, но она была уже высоко в небе, и голос Роны звучал все слабее и слабее, пока наконец его совсем не стало слышно.

Дети боялись сами пойти за водой. На другой день они отправились к матери и рассказали ей, что отец стал проклинать луну и за это она утащила его на небо. Мать вернулась домой к детям и взяла другого мужа. Она не говорила ему ни одного грубого слова, потому что боялась, как бы Рона и луна не спустились ночью и тоже не забрали его на небо.

Она долго жила со своим новым мужем, но никогда не выходили они из дома в светлые ночи, особенно в полнолуние, — ведь тогда на луне ясно видны и Рона, и его калебаша, и вырванное с корнями дерево.

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ О ПТИЦАХ

ПОУ И ПТИЦА-ГРОМАДИНА

Город Гисборн стоит на том самом месте, где когда-то жил силач Поу-рангахуа. У Поу был маленький сын, которого он горячо любил. Стоило только мальчику потянуться к чему-нибудь ручонками, Поу-рангахуа добывал ему то, что он желал, как бы это ни было трудно и опасно. Когда мальчик немного подрос, отец заметил, что сын всегда старается повернуться в одну и ту же сторону и высовывает язык. Ложась спать, он вертелся до тех пор, пока не обращал лицо в эту сторону. а когда просыпался, снова начинал вертеться.

Поу поговорил с женой, и они решили, что их мальчик голоден и показывает туда, где есть что-то вкусное.

— Я найду для него это лакомство,— сказал Поу-рангахуа.

Он тщательно вооружился, запасся едой и спустил каноэ прямо на буруны. Жена смотрела ему вслед. Она видела, как напрягались мускулы на его широкой спине, когда он налегал на весло. С каждой минутой каноэ становилось все меньше и меньше, оно терялось среди волн, только весло сверкало на солнце

при каждом взмахе. Скоро каноэ превратилось в крошечное пятнышко на горизонте и наконец совсем исчезло.

Чтобы достать пищу для сына, Поу готов был переплыть бескрайние моря. День за днем бороздил он просторы океана, пока наконец его каноэ не уткнулось в прибрежный песок далекой гавани.

Поу выскочил на берег, радуясь твердой земле под ногами. Он познакомился с народом этой страны, и скоро его позвали к вечерней трапезе. Поу вскрикнул от восторга, когда попробовал вареные овощи из корзины, что поставили перед ним. Овощи были гораздо вкуснее и слаще, чем корни папоротника, которые ему до сих пор приходилось есть. Это были плоды кумары. Раньше Поу никогда их не пробовал. Кумара не росла в далеких, залитых солнцем землях, откуда он прибыл, и теперь Поу понял, что это и есть то лакомство, которое хочет отведать его сын.

Много ли, мало ли пробыл Поу в новой стране, но все время он страстно хотел вернуться на родину, в Туранга, и посмотреть на лицо сына, когда тот отведал кумары. Увы, каноэ Поу пропало! Может быть, буря разбила его о прибрежные скалы, а может быть, его неслышно поднял прилив и унес в океан. Поу не на чем было возвратиться домой.

Вождь Тане был другом Поу. Как-то они лежали рядом на своих циновках. Поу, глядя на яркие звезды, которые светят и над его домом в далекой Туранга, поведал Тане о своей тоске. Тане, приподнявшись на локте, слушал его.

— Для тебя есть только один путь назад,— задумчиво проговорил наконец Тане.— Это опасный путь, но мужчина, который долго странствовал и стремится домой, не думает об опасности.

— Я не раз глядел в лицо смерти, пока плыл по океану,— сказал Поу.— Есть ли большая опасность, чем плыть в выдолбленном бревне по бескрайним водным просторам?

— Это верно, ты рисковал жизнью,— согласился Тане,— но теперь тебя снова подстерегает смерть.

ная опасность. Тебе придется проделать путь на спине птицы-громадины Руакапанги.

Поу крепко сжал кулаки — под темной кожей выступили белые суставы.

— Руакапанга! — прошептал он. — Но как же птица повезет меня?

— Я уже сказал тебе, это очень опасно, — ответил Тане. — Если хватит смелости, ты можешь взобраться ей на спину и крепко держаться за перья. Она быстро доставит тебя домой. Но по той дороге, на высокой горе Хикуранги, поднимающейся из глубин океана, живет людоед Тама. Остерегайся его. Если ты попадешь к нему в лапы, вся твоя сила не поможет тебе.

— Как же мне миновать это чудовище?

— Ты должен дожидаться захода солнца. В тот момент, когда солнце погружается в океан, его отлогие лучи спят великану глаза. Вот тогда и лети мимо него, если ты смел, и он не успеет схватить тебя.

Следующим утром на рассвете Поу взял две корзинки с кумарой и взобрался на спину птицы. В те дни птица-громадина Руакапанга еще могла летать. Она легко поднялась на воздух вместе с Поу и его тяжелым грузом. Лениво помахивая крыльями, она направилась на юг. Поу взглянул на землю и далеко внизу увидел крошечные фигурки своих друзей. Тане стоял на утесе и, прикрыв рукой глаза от солнца, наблюдал, как Поу начинает свой опасный полет.

То расстояние, которое Поу проплывал на каное за день, сейчас он пролетел за час, и лишь только солнце начало свой стремительный спуск — в тропиках солнце садится очень быстро, — путник завидел гору Хикуранги. Поу стал изо всех сил тянуть шею Руакапанги к себе, и птица полетела медленнее. Вот нижний край солнца коснулся воды. И тогда, в ослепительном сиянии заходящего солнца, Поу пронесся на птице мимо горы. Раздался рев — это Тама услышал взмахи гигантских крыльев; но прежде чем он что-либо разглядел, птица и Поу пролетели. Опасность миновала.

Когда впереди показались берега Аотеароа, сердце Поу готово было выпрыгнуть из груди. Наконец-то он снова увидится с женой и сыном! А как они обрадуют-

ся, когда отведают сокровище, которое он привез! Поу так хотелось поскорее добраться до дома, что он совершил два злых поступка. Во-первых, он вырвал у птицы два пера, чтобы она летела быстрее. Это был страшный грех. Во-вторых, заставил Руакапангу отвезти его к самому дому. Тане предупредил, чтобы он слез с птицы, как только долетит до берегов своей страны, но Поу охватило нетерпение, он забыл обо всем и думал только о себе — так иногда поступают люди.

Поу встретили с почетом. Великий дар принес он Аотеароа. Теперь в каждой деревне люди благословляли Поу и новую пищу, которую он доставил в свою страну.

А далеко-далеко за морем Тане тщетно ждал свою птицу, которую одолжил другу. Но Поу не отпустил ее сразу, и людоед Тама с горы Хикуранги в жаркий летний день поймал птицу-громадину и погубил ее.

Теперь птица Руакапанга мертва. Только ее кости и скорлупа от гигантских яиц напоминают нам о ней. Только они да еще ее крошечный брат киви *.

ХОКИОИ И СОКОЛ

Когда солнце уходит, а луну проглатывают облака, когда на стенах фаре пляшут отблески огня, а беседы и смех смолкают, в ночной тиши иногда слышится шелест чьих-то крыльев. Ничего не видно в темноте — и вдруг раздается крик, и жуткий смех плывет с высоты.

— Хокиои! Хокиои! — кричит кто-то, а потом слышится пронзительный свист — птица ныряет вниз и снова взмывает в безмолвие ночного неба.

Эта невидимая птица — хокиои. Она выкрикивает свое имя в знак победы над Каху-соколом, чтобы посрамить его. Вот что об этом рассказывают.

В далекие дни Каху и Хокиои поссорились.

— Ты толст и неуклюж, — сказал Каху. — На вид

* К и в и — небольшая бескрылая ночная птица, которая водится в Новой Зеландии

ты большой и сильный, а на самом деле еле-еле перелетаешь с места на место.

— А ты хвостун, пустой хвостун и больше ничего,— пронзительно закричал Хокиои,— я могу летать гораздо выше, чем ты. Я могу взлететь так высоко, что скроюсь из виду. Скорей, скорей! — пронзительно вопил Хокиои, и глаза его ярко блистали. От ярости он совсем потерял рассудок.— Я вызываю тебя на состязание. Давай полетим, и пусть птицы увидят, кто из нас летает быстрее.

Каху заметил, что все птицы прислушиваются к их разговору, поэтому он принял вызов Хокиои. Они замахали крыльями и поднялись в небо. Хокиои все время глядел вверх и изо всех сил рвался ввысь, чтобы перегнать сокола. А сокол, как всегда, не спускал глаз с земли. Вскоре он заметил, что над лесом за клубилось облако дыма и красные языки пламени заплясали над деревьями. В то же мгновение Каху забыл про вызов Хокиои и с радостным криком скользнул по ветру к лесной опушке — ведь сейчас помчатся из лесу, спасаясь от огня, крысы и ящерицы.

А ничего не подозревавший Хокиои по-прежнему смотрел в голубое небо и без устали бил крыльями, взмывая все выше и выше. Он залетел так высоко, что птицы, которые следили за состязанием, потеряли его из виду. Ночь сменила день, на небе высыпали звезды, а Хокиои все летел и летел. И только когда утренние лучи солнца озарили небо, он наконец остановился и взглянул вниз. Каху нигде не было, даже земля и та скрылась из виду.

Вот почему ни один смертный человек никогда не видел Хокиои. Но в темные ночи эта птица спускается ближе к земле, снова и снова насмехается над Каху и победоносно выкрикивает свое имя: «Хокиои! Хокиои!»

МИРОМИРО-СИНИЦА

Белогрудая синица, веселая маленькая пташка с ярко блестящими глазками, только и знает, что ищет червячков да жучков.

— Эх, иметь бы глаза синицы! — говорят маори, когда что-нибудь потеряют.

Миромиро-папаша любит свою жену, и, когда та занимается устройством гнезда для коричнево-красчатых яиц, он приносит траву и веточки, помогает строить дом, кормит жену и нежно о ней заботится.

Иной раз мужчинам и женщинам надоедают их семьи, и они убегают из дома. И тогда за ними посылают дового маленького Миромиро. Как бы далеко ни ушел беглец, Миромиро находит его. Он садится беглецу на голову, и того вдруг охватывает неодолимое желание тотчас же вернуться домой, к семье.

Стражем любви называют веселого маленького Миромиро.

ЧТО КОКА УКРАЛ У КОКАРИКИ

В давние времена грудь Кокарики, длиннохвостого попугая, была красного цвета, а поверх этой яркой машишки красавец попугай носил еще зеленый мундир. Кока ужасно завидовал его ярким перьям. Его собственное оперение было скучного коричневого цвета, и Коке очень хотелось одеться в яркие краски Кокарики.

— Глупая ты птица, — сказал он однажды Кокарики. — Ты бы лучше прятал свою красную грудь.

— Почему это я должен ее прятать? — возмущенно затараторил Кокарики. — Все любят красный цвет.

— Ах, малютка, — ласково сказал Кока, — какой ты глупенький! Тане не мог мне сделать лучшего подарка, чем одеть меня в коричневые перья. Ведь наша мать Земля коричневого цвета, и насекомые не замечают меня до тех пор, пока я их не клюну. Тане любит коричневый цвет.

— Но Тане одел землю в зеленые одежды, — сказал Кокарики, подходя поближе к Коке, — а небо бывает красным, когда садится солнце. Нет, конечно.

Тане больше всего любит зеленый цвет и красный

— Ничего подобного, Кокарики. Может, ты и огор-

чишься, но, видно, Тане не любил тебя, иначе он не одел бы тебя в эти безвкусные, кричащие перья.

Кокарики стыдливо посмотрел на свою алую грудь и попытался прикрыть ее крыльями.

— Как же мне избавиться от красных перьев? — жалобно спросил он.

— Есть только один способ, — сказал Кока, — отдай их мне. Из любви к тебе я возьму твои красные перья и спрячу их под своими крыльями. Там их никто не увидит.

Кокарики сбросил с себя красные перья, а Кока прикрепил их к себе, хрипло вскрикнул от радости, расправил крылья и поплыл над верхушками деревьев, ярко алая в лучах заходящего солнца. Кокарики увидел, каким Кока стал красивым, и понял, что тот обманул его льстивыми медовыми речами и ограбил. Теперь костюм Кокарики стал сплошь зеленым, а Кока на загляденье всему миру заблестал ярко-красным оперением.

Вы когда-нибудь слышали, как поет Кокарики, оплакивая свои перья? А иногда он смеется, щебеча в лесу со своими друзьями. Может быть, он думает, что теперь, когда у него нет ни одного красного пера, Тане стал его больше любить?

СКАЛА КАВАУ

Когда Купе * появился на Аотеароа, вместе с ним были Рупе-голубь и Кавау-баклан. Голубю Купе поручил отыскать в новой стране семена растений, а баклана отправил исследовать морские и речные течения.

Баклан Кавау сначала пролетел вдоль берега от Манукау, где спустя тысячу лет белые люди построили город Окленд, до Вангануи-а-тара, где стоит теперь столица страны Веллингтон. Кавау возвратился и доложил, что в этих местах нет сильных течений. Тогда Купе высадился в Южной гавани и обосновался там. Немного погодя с острова, который назывался Каноз

* Легендарный маорийский первооткрыватель Новой Зеландии.

Мауи *, прилетели птицы, чтобы познакомиться с голубем Рупе и бакланом Кавау.

— Где вы живете? — спросил Рупе.

— На другом острове.

— А что вы едите?

— Всякие семена. Это очень подходящая пища для детей Тане.

Кавау вытянул шею и с интересом спросил:

— А какие в вашей стране течения? Я видел Раукава **, и хоть его называют великим, течения там слабые.

Птицы юга подняли оглушительный шум.

— В нашей стране очень сильные течения! — возражали они. — Мы тебе их покажем.

Кавау взмыл ввысь, и птицы полетели к проливу между Рангитото *** и Южным островом.

— Смотри! — закричали птицы.

Кавау посмотрел вниз и увидел, как несутся в бешеном беге потоки воды.

— Вот воды, достойные того, чтобы их испытать! — воскликнул Кавау и ринулся вниз.

Здесь ничто не напоминало спокойно поднимающийся прилив широкого океана, не было и расшвыривших в шторме волн. Казалось, что воды обрушиваются в какую-то бездну. Кавау одним крылом коснулся воды, и его тут же потянуло в пучину, как будто чья-то рука схватила его за крыло и стала дергать вниз. Тогда Кавау упал на колени и распростер другое крыло, пытаясь перегородить пролив, но вода схватила его, сломала крыло и швырнула в стремнину. Так умер один из храбрецов, сопровождавших Купе.

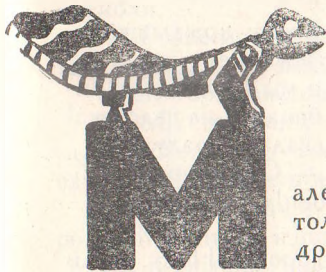
С тех пор в проливе стоит скала; люди говорят, что это Кавау, друг Купе. Если бы Кавау поборол воду, пролив был бы перекрыт, но все-таки одно крыло он в нем оставил, и теперь маори и белые люди, несмотря на сильные водовороты, отваживаются плавать между Рангитото и Южным островом.

* Так маори называют Южный остров Новой Зеландии.

** Пролив Кука.

*** Остров Д'Юрвиля

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ О НАСЕКОМЫХ

МУРАВЕЙ И ЦИКАДА

Маленькая Кикихи-цикада летом только и делает, что поет. Воздух дрожит от ее стрекота, сквозь кроны деревьев сияет солнце, теплый ветер колышет листву, и кажется, что зима далеко-далеко. Вот об этом и поет Кикихи: «Зима прошла, сейчас здесь лето. Давайте же радоваться и петь песни на теплой коре деревьев — ведь холод и сумрак ушли навсегда».

Но есть другая песнь, которую мало кто слышит, потому что Кикихи заглушает ее. Это скромная песенка, которую поют те, кто трудится в летние дни, ползая по земле. Это песнь Папакоруа-муравья. «Грядет зима,— поет он, собирая корм,— надо сытно есть в холодные зимние дни. Так будем работать, чтобы жить».

Прошло время, и наступила зима. Листья, танцевавшие в солнечном свете, задрожали от холодного ветра и ледящего дождя, стекавшего с них на сырую землю.

Беззаботная Кикихи, которая все лето наслаждалась теплом да веселилась, теперь похудела и дрожала от холода. В конце концов она умерла, прильнув

к неприветливой коре дерева. А в доме Папакоруа и зимой было тепло и уютно, он ел досыта и спокойно ждал возвращения лета.

МОСКИТ И МУХА

На берегу темного лесного болотца, затеняемого гигантскими деревьями и кустарником, встретились однажды Наероа-москит и Наму-муха.

— Какой бы подвиг нам совершить? — спросила Наму.

Наероа забил тонкими прозрачными крылышками, и воздух наполнился тоскливым жужжанием.

— Есть одно смелое дело. Если мы на него решимся, оно принесет нам славу. Давай нападём на человека!

Наму от восторга даже затанцевала в воздухе.

— Нападём! — вскричала она. — Отправимся сейчас же. Отведаем человеческой крови!

Но Наероа покачал головой.

— Ты слишком нетерпелива, дорогая Наму. Если мы нападём на него днем, он заметит наше приближение и победит нас. Подождём до ночи. Ночью человек ничего не видит, вот тогда-то и можно будет его кусать и высасывать из него кровь.

Но Наму не терпелось ринуться в бой.

— Не стану ждать, не боюсь я человека, — хвастала она. — Пожалуйста, ты можешь дожидаться, пока небо оденется в темную мантию. Но мой народ нагрянет на человека при свете солнца. Многие, конечно, погибнут, но мы победим его.

Сказав это, Наму призывно зажужжала; ее братья поднялись, словно черная туча, и полетели над деревьями. Наероа уселся на листок и некоторое время следил за их полетом.

Болотце спокойно дремало, солнечные лучи с трудом пробивались сквозь нависшие ветви деревьев, и, никем не тревожимый, Наероа заснул.

Когда солнце зашло и болотце в тени деревьев, казалось, потемнело еще больше, Наероа поднял голову.

Наму в это время огибала водоем. Скоро она спустилась и подсела к Наероа.

— Как прошла битва? — спросил москит. В глазах его светились насмешливые искорки.

В ответ Наму склонила голову и запела песнь поражения.

— Мы отведали человеческой крови, — сказала она, когда кончила петь, — это нам удалось. Но все-таки человек очень силен. Он как хлопнул своими большущими руками — хлоп, хлоп! — и мои братья полегли тысячами. Куда бы мы ни садились, он всюду нас настигал. Одна только я вернулась. Все мои братья погибли.

— Разве можно было нападать на него днем, — сказал Наероа. — Я ведь предупреждал тебя.

Наму гордо подняла голову.

— Мы потерпели поражение, — сказала она, — но мы не побеждены. Человек — наш враг. Мы будем снова и снова нападать на него. Мы не сдадимся никогда.

— Да, но сейчас-то он вас одолел, — сказал Наероа. — Мой план нападения лучше.

Он неслышно поднялся в воздух, и пока он летел в слабом свете звезд, к нему бесшумно присоединилось все его москитное воинство.

Не ведал человек о приходе москитов. Закрыв глаза, он спокойно лежал в хижине. Но вот человек зашевелился — воздух наполнился тонким, пронзительным писком, он становился все громче и громче, от него кровь стыла в жилах. И вдруг писк прекратился.

— Ага, — сказал человек, — это Наероа, он уселся на меня, но я убью его так же, как убил Наму и ее народ.

Человек шлепнул рукой, но опоздал. Наероа там уже не оказалось. Его боевая песня звенела теперь над самым ухом. Человек стал шлепать себя по голове, пока она не загудела от ударов, а в это время Наероа сидел на его ноге ипил кровь.

Почувствовав, что Наероа кусает его в ногу, человек приподнялся, чтобы прихлопнуть москита, но тот уже улетел, а в это время другой москит тихонечко опустился на плечо человека.

Час за часом сражался человек с москитами, чье молчание было столь же ужасающим, как и их пронзительный писк. А когда наступило утро, Наероа со своим воинством улетел, оставив человека искусанным, опухшим и окровавленным.

Наму услышала победную песнь, с которой возвращался Наероа, и обрадовалась: ее народ был отомщен.

Так Наму и Наероа стали врагами человека, они нападают на него и по сей день — Наму днем, а Наероа ночью. Но Наероа человек страшится больше.

**МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ
О ЛЕТАЮЩИХ ЧУДОВИЩАХ,
ВЕЛИКАНАХ
И ХОДЯЩИХ ГОРАХ**

ЛЕТАЮЩИЙ ТАНИФА

Странная серая глыба высилась на берегу озера. В сумерках казалось, что это скала. Охотник, возвращавшийся домой в свое селение, заметил странную глыбу и направился по песку посмотреть, что это такое. К серой громадине подкатывали волны и, схлынув с берега, уносили из-под нее песок. Когда охотник прикоснулся к странному существу копьем, серая масса подалась. Тогда, решив, что это какая-то неведомая рыба, охотник налег на копьё, и оно глубоко вошло внутрь. Спящее чудовище взревело от боли и бросилось на своего мучителя. Вытянув когтистые лапы, оно крепко обхватило охотника. Раскрылись два крыла, словно паруса каноэ, чудовище взмахнуло ими и вместе с охотником взмыло вверх. Это был танифа.

Охотник глядел на стремительно отдаляющийся песок, а над самой его головой били мощные крылья. Чудовище поднималось все выше и выше. Вошла луна, и стало холодно. Лес и озеро раскинулись далеко внизу и казались чужим, незнакомым миром. Вскоре суша кончилась, и уж ничего нельзя было различить, кроме

крошечных пенистых волн, блиставших в лунном сиянии, да обрывков облаков, которые на миг цеплялись за танифу и охотника, а потом терялись позади.

Так летели они всю ночь, а когда пришло утро, солнце встало над другой страной. Это была Гавайки — отчий дом народа маори. Танифа сделал круг и опустился на лесной прогалине, окруженной высокими деревьями.

С ветвей деревьев свешивались и лежали прямо на земле диковинные фрукты. Никогда не видел охотник и таких чудесных тропических цветов. И всюду, куда бы он ни взглянул, его окружали танифы — огромные крылатые существа с немигающими глазами и крепкими, как у птиц, когтями.

Танифа, который принес его сюда, начал говорить. Охотник с трудом понимал то, что он говорит; казалось, что лавина катится с гор — так громыхал голос танифы.

— На меня поднял руку обыкновенный человек, за это он должен поплатиться жизнью, — сказал танифа.

— Откуда ты принес его? — спросил старший танифа.

— Из страны Купе. Он живет на Рыбе Мауи.

— Что ты там делал, танифа?

— Отдыхал.

— Где ты отдыхал, танифа?

— На берегу озера.

— Ты отдыхал на песке или в воде?

— Я заснул на берегу, а волны незаметно подобрались ко мне.

Старый танифа, побелевший за прошедшие тысячелетия, тяжело поднялся на ноги и раскинул свои изодранные крылья.

— О танифа, — сказал он глухим голосом, — ты сам себя выдал. Наш дом — воздух, а когда мы устаем, мы отдыхаем на земле. Но ты оказался у самой воды. Плавающему танифе не место в воздухе, летающему танифе не место в воде. Человек был прав, когда хотел убить тебя там, где ты оказался.

Сидевшие вокруг танифы одобрительно закивали.

— Что нам делать с человеком? — спросил молодой танифа, а старший танифа ткнул в него когтем и сказал:

— Ты самый молодой из нас, ты и отвезешь человека на Рыбу Мауи. Бери его.

И человек был доставлен обратно домой. Когда они уже приближались к родному берегу, охотник прогнул руку и вырвал несколько перьев из крыла танифы. Это были чудодейственные перья. Одно из них он отдал Тама-ахуа из Вангануи.

У Тама был еще другой дом в Ваи-Тотара, только туда было трудно добираться. А теперь, получив перо танифы, Тама сам сделался почти что танифой и, когда в небе светила холодная луна, летал над высокими деревьями от Вангануи до Ваи-Тотара, крепко сжимая в руке магический талисман.

ВЕЛИКАН МАТАУ

В горной стране Отакоу жили Маната, дочь вождя, и ее возлюбленный Матакаури. Отец Манаты не разрешал любящей паре пожениться. Он рассчитывал выдать дочь за могущественного вождя с далеких равнин Таиери.

Однажды утром Маната исчезла. Возле ее фаре не было никаких следов, и она ничего не взяла с собой, спальные маты и плащ лежали на своем обычном месте. Никто не мог понять, куда исчезла девушка, пока не нашли отпечаток огромной ноги на мягком глинистом берегу. Тогда кто-то из племени вспомнил, что земля той ночью содрогалась.

— Ее унес Матау, — сказал вождь.

Услышав это, люди стали в ужасе жаться друг к другу — Матау был великан, живший далеко в горах, среди покрытых снегом вершин. Все жители Отакоу боялись его.

— Кто бы ни освободил Манату, любому я отдам ее в жены, — горестно сказал вождь.

Но никто не двинулся с места. Один Матакаури вскочил и стремглав выбежал из фаре. Бесстрашно взбирался он по уступам горы к логовищу Матау и еще до наступления темноты нашел Манату. Девушка сидела в зарослях льна на берегу реки. Увидев своего возлюбленного, Маната бросилась ему навстречу и спрятала лицо у него на груди.

— Уходи, мой любимый,— сказала она.— Мне уже не вырваться отсюда. А если великан сейчас проснется, он убьет тебя.

Матакаури улыбнулся.

— Пока дует теплый северо-западный ветер, Матау будет спать. Он проснется, лишь тогда, когда изменится ветер.

— Но ты не знаешь, что он сделал. Гляди, он привязал меня к себе ремнем.

Матакаури засмеялся, поднял топор и ударил им по ремню, но топор отскочил — ремень был изготовлен из шкуры двухголовой собаки, и его нельзя было перерубить обычным нефритовым топором.

По лицу Манаты потекли слезы. Одна ее слезинка упала на ремень, и тот, словно по чудесному велению, вдруг разорвался.

Плача и смеясь, Маната кинулась помогать своему возлюбленному. Они соорудили плот, крепко связав деревья выющимися растениями и стеблями льна, чтобы он лучше держался на воде, прыгнули на него и поплыли домой. Отец Манаты приветствовал их так радостно, словно они восстали из мертвых.

— Но я не закончил своего дела,— сказал Матакаури.— Сейчас дует северо-западный ветер, но скоро ветер переменится и великан проснется. Мы все время будем жить в страхе, если сейчас, пока Матау спит, не справимся с ним.

Никто не решился пойти вместе с Матакаури, и во второй раз он один стал взбираться на гору. Юноша миновал заросли льна, в которых недавно нашел свою возлюбленную, и двинулся дальше, в ту сторону, куда вел ремень из собачьей кожи,— вдоль реки и вверх по горе, бросавшей тень на долину.

Великан разлегся на горах, голова его покоилась

на одной горной вершине, а ноги на другой, там, где заходит солнце.

День за днем, пока дул теплый ветер, Матакаури без устали работал, обкладывая спящего великана папоротником, орляком и сухой травой. А когда закончил эту работу, взял зажигательные палочки, добыл огонь и зажег орляк. Вершины гор запылали, и клубы дыма обволокли ярко светившее солнце.

Великан задохнулся и погиб в пламени. Оно лютовало так сильно, что даже земля загорелась, и там, где лежал великан, образовалась глубокая яма, очертания которой очень напоминают тело великана. Потом пошел дождь, и дымившуюся расселину наполнили до краев горные потоки. С тех пор здесь лежит спокойное озеро.

Люди назвали его Вакатипу — озеро холодного юга. Глубоко на дне его бьется сердце великана Матау. Только сердце Матау не сгорело в пламени, и в такт его ударам воды озера мерно поднимаются и опускаются.

ВЕЛИКАН И КИТ

На скале Восточного мыса есть отметина, удивительно похожая на след огромной человеческой ступни.

В восьмидесяти милях южнее этого мыса, недалеко от теперешнего города Гисборна, течет речка, и на одном из ее берегов лежит окаменелый скелет громадного кита.

А в бухте Токомару, на полпути между Восточным мысом и Гисборном, треугольником высятся одна рядом с другой три горные вершины...

Жил когда-то на Южном острове великан. Однажды решил он посетить Северный остров, дошел до пролива, разделявшего острова, и перешагнул играючи с одного на другой. А в это время в проливе лежал кит. Великан увидел взлетающие вверх брызги, нагнулся, схватил кита и, сунув его под мышку, направился вдоль берега, пока не подошел к маленькой речушке. Там он

уселся и принялся за кита. Он съел все, даже кожу, остался только костистый скелет, слишком твердый для его зубов. Насытившись, великан растянулся на мягком ложе из деревьев и заснул.

Маори, жившие в этих местах, не были рады приходу великана. Когда он шел, то ступил ногой на посеы кумары, а теперь загородил рукой вход в деревню. И пока дыхание спящего великана колыхало листву деревьев, маори приготовили ему западню в бухте Токомару: у высокого дерева обрубали ветви, согнули его и притянули веревками к земле. Люди надеялись, что великан ступит на дерево, оно разогнется и убьет его.

Великан проснулся, заметил западню и презрительно расхохотался. Потом подошел и пнул дерево ногой. Ствол разогнулся и с такой силой ударил по горе, что расколол ее на три отдельные вершины. А великан шагнул сразу на Восточный мыс и погрузился в море. Больше его никто никогда не видел.

Правда это или нет? Кто знает! Но на Восточном мысе есть след гигантской ступни, а на берегу реки около Гисборна лежит окаменевший скелет кита. Да в бухте Токомару треугольником высятся одна рядом с другой три горные вершины.

НЕУГОМОННЫЕ ГОРЫ

В далекие дни богов многие горы весело и дружно жили в Таупо, в самом центре острова Рыба Мауи. Они вместе ели, работали и играли, и все горы любили друг друга. Но вот прошло время, и горы начали ссориться. Несколько молодых гор решили уйти из Таупо, кто на север, а кто на юг. Они быстро шагали всю ночь напролет, пока их не остановил восход солнца.

В центре острова остались только Тонгариро, Руапеху и Нгаурухое. Тонгариро взял себе в жены Пихангу, стройную небольшую горку, стоявшую неподалеку. У них родились дети — Снег, Град, Дождь и Изморозь.

Пиханга любила седовласого Тонгариро, и, когда широкоплечий Таранакки попытался завоевать ее

сердце, гневно поднялся ее супруг и погнал Таранаки на запад. Тот бросился к морю, и узкий глубокий след потянулся за ним — русло реки Вангануи. Достигнув моря, Таранаки почувствовал себя в безопасности, теперь он уже не страшился мести Тонгариро, хотя и отсюда было видно, как вьется по ветру дым над вершиной разгневанной горы.

Таранаки усмехнулся и медленно побрел по берегу. Он немного передохнул в Нгаере, а когда двинулся дальше, на земле осталась большая вмятина, которая потом стала болотом Нгаере.

С рассветом Таранаки достиг конца земли и остался там навеки. Иногда Таранаки заволакивается туманом — это в те дни, когда он тоскует и плачет по Пиханге. Но бывает, что и Тонгариро вспоминает наглость далекого Таранаки, и тогда гневное пламя клокочет в его груди, а над головой нависает густое облако черного дыма.

ИЗ МАЛЕНЬКИХ СКАЗОК О ТАНИФАХ

или в Аотеароа танифы и нгарары — страшные наземные и водяные чудовища. Белые люди наслали на них магический сон, и они лежат теперь под холмами и в глубинах вод. У каждого племени есть свои сказания об этих людоедах-страшилищах. Старикки рассказывают о них по ночам, когда дети уже спят и отблески костров мерцают на тростниковых стенах фаре, а в темноте оживают удивительные тени прошлого.

Вот одна такая история. Всего лишь одна, а вообще историй о танифах очень много, их больше, чем ночей в жизни человека.

ТАНИФА-ЯЩЕРИЦА

Ах, вы бы вздрогнули от ужаса, если бы увидели Каивакаруаки! У него была бесцветная влажная кожа, потому что жил он в темной пещере в лесной чаще. Когда он волочил свое омерзительное тело по земле, даже птицы улетали прочь.

Однажды, отыскивая себе пищу, он настиг в лесу женщину. Не обращая внимания на ее вопли, он потащил несчастную к себе в пещеру и сделал ее своей женой. Танифа не боялся, что она убежит, потому что, когда он был в пещере, то наглухо закрывал вход своим телом, а когда уходил, то крепко привязывал к ее волосам длинную льняную веревку, а другой конец веревки ни на минуту не выпускал из рук. Время от времени он дергал за веревку, чтобы удостовериться, что женщина находится в пещере.

И днем и ночью пленница обдумывала план побега. Соревноваться с чудовищем в быстроте и силе она не могла, значит, завоевать свободу можно было только хитростью. Наконец она придумала, как ей вырваться из плена, и начала готовиться к побегу.

Однажды, когда танифа ушел за пищей, женщина вышла из пещеры, острым краем раковины разрежала веревку, привязанную к ее волосам, и обмотала конец веревки вокруг молодого деревца. Женщина слышала, как вдалеке танифа крушил деревья на своем пути и как разлетались по сторонам испуганные птицы. Вскоре веревка туго натянулась. Деревцо согнулось до самой земли и снова выпрямилось. Женщина затаила дыхание, но вот опять послышался треск деревьев — танифа двинулся дальше. Теперь она спасена!

Женщина бросилась в деревню и рассказала всем о чудовище. Мужчины решили покончить с танифой. Они стали строить огромное фаре, такое, чтобы там мог поместиться Каивакаруаки. Как только фаре было готово, одного молодого воина послали в лес, чтобы он позвал танифу в деревню жить вместе с людьми.

Воин осторожно вошел в лес, громко позвал танифу и стремглав бросился назад в деревню.

Все жители деревни сидели на площади, настороженно всматриваясь в лес, туда, где он вплотную подходил к одному из фаре. И вот, расшвыривая по сторонам деревья и кусты, появился танифа. Маленькие дети кинулись к своим матерям, и даже воины спятились, когда над фаре показалась отвратительная голова чудовища и оно, переваливаясь с боку на бок, дви-

нулось на людей. Глаза танифы горели, как раскаленные угли.

— Где моя жена? — прохрипел он.

Несчастливая женщина храбро выступила вперед, пристыдив тем воинов.

— Не бойся, Каивака, — спокойно сказала она, — твоя жена здесь.

— Почему ты убежала?

— Мне было очень холодно и сыро в твоей пещере, — сказала она. — Я привыкла жить в деревне, и ты должен поселиться здесь, со мной. Гляди, люди моего племени построили для нас дом.

Каивакаруаки повернул голову и посмотрел на просторное фаре. Видно, оно ему понравилось, и он сказал:

— А я уж думал, что ты превратилась в дерево! Но если ты здесь, я останусь с тобой.

Вытянув шею, он поднял голову и посмотрел на людей.

— Эй вы, кормите меня, да получше! — прохрипел он. — Бойтесь гнева Каивакаруаки. А теперь я пойду немного посплю. Пошлите ко мне мою жену. — И танифа с трудом протиснулся в фаре.

— Пора! — прошептала женщина. — Теперь за дело!

Жители деревни обложили стены фаре сучьями и сухими ветками.

— Где моя жена? — громыхал изнутри Каи. — Пошлите ее ко мне, уже темнеет.

Тогда люди напялили на обрубок бревна женскую одежду и, сунув его в фаре, быстро захлопнули дверь. А груды хвороста все росли и росли. Наконец все было готово. Вождь поднес к хворосту факел, и огонь мгновенно охватил сухие ветки и, потрескивая, побежал вокруг фаре, взвивая язычки пламени.

Каи повернулся в фаре — даже земля содрогнулась.

— Что там за шум? — проревел он.

— Спи спокойно, это ветер гудит в кронах деревьев, — отвечали ему, — надвигается буря.

Скоро стены фаре запылали, и Каи понял, что его обманули. Он стал бросаться из стороны в сторону в

своей тесной темнице, но огонь не давал ему выйти; вот уже обрушились стропила и столб огня взвился в небо.

Так сгорел Каивакаруаки, но хвост его уцелел. Отвалившись от тела, он, извиваясь, проскользнул меж охваченными пламенем бревнами и убежал в лес. Его дети живут там до сего времени. Это моко папа — маленькие древесные ящерицы.

Вот видите, все это правда. Разве маленькие потомки Каивакаруаки не теряют до сих пор свои хвосты?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
Небо и Земля	9
Матаора и Ниварека в подземном мире	18
Мауи полубог	26
Уенуку и Девушка Туман	47
Тинирау и кит	52
Деревянная голова	57
Хинемоа и Тутанекаи	63
Кахукура и рыбаки-волшебники	71
Маленькие сказки о луне и звездах	
Семь звездочек	77
Рона и луна	79
Маленькие сказки о птицах	
Полу и птица-громадина	81
Хокиои и сокол	84
Миромиро-синица	85
Что Кока украл у Кокарики	86
Скала Кавау	87
Маленькие сказки о насекомых	
Муравей и цикада	89
Москит и муха	90
Маленькие сказки о летающих чудовищах, велика-	
нах и ходящих горах	
Летающий танифа	93
Великан Матау	95
Великан и кит	97
Неугомонные горы	93
Из маленьких сказок о танифах	
Танифа-ящерица	100

А. В. Р и д

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ СТРАНЫ МАОРИ

Редактор *Л. Васильева*. Художник *М. Эльконина*.

Технический редактор *Н. Зотова*. Корректор *Е. Жеребцова*.

Сдано в проз. 3/VI 1960 г. Подписано к печати 19/IX 1960 г. Бум. 84×108^{1/32} = 1,6 б. л. 5,3 п. л., У.-изд. л. 4,4. И. д. № 12 5429. Цена 2 р. 20 к.
С 1/I 1961 г. цена 22 к. Зак. 596.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Москва, 1-й Рязский пер., 2.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28

Отпечатано в типографии Госгортехиздата. Зак. 607.

